

АСУАН —
СИМВОЛ НЕРУШИМОЙ АРАБСКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

№ 15 АВГУСТ 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

19. «ЧЕЛОВЕК ПАРТИИ» (1908)

...любимой крошечке Ильичу не отделилась... Нападаю на врага, он всегда решительно и резко, и не только на врага, но и на товарищей, даже близких, если защищали они неправильную точку зрения. Но личного никогда ничего не вносила он в эти споры. В этом была его сила.

Н. Крупская

Первая русская революция потеряла поражение. Ленин снова в эмиграции — на этот раз почти десятилетия. Но ни на один день не прекращает он революционной борьбы.

«Урок исторической диалектики»

Весной 1920 году Владимир Ильич вспоминает о первом им вместе со всей партией прожитом столетинской реакции и формулирует выводы, вытекающие из небольшого исторического опыта, накопленного к тому времени большевиками: — Годы реакции (1907—1910). Царские победы. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Угнетен, деморализован, расколот, разорен, разнегатив, порнография на месте политики. Усиление тяги и философского идеализму; инстинкты, как облаченные контрреволюционные настроения. Но в то же время именно великое поражение дает революционной партии и революционному классу настоящей и полнейшей урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Другая побеждают в несчастье. Разбитые армии хорошо учатся... Революционные партии должны доучиваться. Они учатся наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить научной, как правильно поступать. Приходится понять, — и революционный класс на собственном горьком опыте учиться понимать, что нельзя победить, не научившись правильной наступлению правильной организации. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большинство отступили в наибольшем порядке, с наимень-

— На книги В. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». Начало см. «Смена», 1906, №№ 21—24, и 1907, №№ 1—14.

шим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большинство только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали всю революционеров фразу, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, рабочих и подобных организациях.

В середине декабря 1907 года Ленин и Столыпин. Он поджидает там Владислава Константиновича. А 22—25 декабря вместе с ней проводит в Берлине. Здесь он встречается с Розой Люксембург. Потом она спускается на нашлет козлапидейное заседание у себя в связи с выходом книги «Материализм и эмпириокритицизм».

— Послеа Вам вчера занавозил бандерую энциклопедии своей книги по философии на языке о нашей беседе по поводу Маха при последнем нашем свидании.

Крупская вспоминает об этой встрече. Вечер мы провели в Розы Люксембург. Штутгартский конгресс, где Владимир Ильич и Роза Люксембург выступали солидарно по вопросу о войне, очень обилие тек... На Штутгартском конгрессе Роза Люксембург и Ильич шли заодно, потому разговор в тот вечер между ними носил особый дружеский характер.

В письме Горькому, отправленном в конце декабря из Женевы, Ленин, между прочим сообщает о себе и Крупской: — Она в дороге простудилась.

О том, что на самом деле стояло за этой невзгодой, рассказывает Надежда Константиновна. О ввечере 22 декабря в Берлине она вспоминает: — В ресторане, где мы остановились, мы пришли вечером больные, у обоих шла белая пена изо рта. Оказалось, мы переночевали из ресторана в ресторан, где-то оравались рыбой. Пришлось ночью вызывать доктора. Владимир Ильич был пропущен физическим повозом, а я американской гражданкой, и потому присутствующий подал и нам американского доктора. Тот осмотрел Владимира Ильича, сказал, что дело очень серьезно, посмотрел меня, сказал: «Ну, вы будете жить», и вывел нас кучу лекарств и поучил, что тут что то неладно, спустил с нас белую пенику за билет. Провалился мы пару дней и попользовались поговаривши в Женеву. Ильич потом писал Горькому, что мы дорогой простудились.

«...Прехали мы сюда с поручением поставить газету...»

С конца декабря 1907 года Ленин в Женеве. Крупская передает его настроение так: «Ильич неистово вытаскивал Женеву. Не было ни снежинок, но дух холодный резкий ветр — она. Продавались открытки с изображением замершей

на лету воды около речистен набережной Женевского озера. Горд выглядел мертвым, лустыльским... Когда мы шли... по густым туманам, ставшим таинши чужими улицам Женевы, Ильич обрел: — У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда пришла.

О первых днях второй эмиграции Владимир Ильич рассказывает между 9—14 января в письмах Горькому, Луначарскому и Владимиру Гольдману — секретарю Международного Социалистического Бюро.

— На днях приехал я сюда с женой. Здесь устраивается все-таки, пока временно и потому поставши газету: перестали сюда «Пролетарий» из Финляндии.

— Вот уже несколько дней, как мы с женой сидим в Женеве... Грустно, что побери, снова вернулись в проклятую Женеву, да ничем не поделались! После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести «Пролетарий» за границу. Там коллегия и решила. Вопрос только в том, в Женеву или иное место. Находясь пока в спрании, но в-то лично думаю, что Женеве и Лондон — единственные места, где свободно. А Лондон дорог! — Мои адресы уже являются на Финляндию, и в сожалею, Женеве: VI, Ойманн, rue des Rois, 17 (chez Krieger, Genève... (Владимир Ульянов, rue de Pont, 17 (у Хоффер), Женеве).

В январе 1908 года Ленин сообщает младшей сестре и матери: — Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве... Гусиная дыра, но ничего не поделаешь.

— Мы устранимся здесь понемногу и устроимся, конечно, не хуже прежнего. Напрятан был только самый момент переезда, как переход от лучшего и худшему. Но это было неизбежно.

«Я — за материализм...»

В 1908 году резко обострились идейные разногласия между Лениным и Богдановым, Луначарским, Вазароновым и прочими проследившими «новой» антиматериалистической философии так называемого «эмпириокритицизма». В феврале Владимир Ильич пишет Горькому: — Как разовой марксист, я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириокритициста Богданова и эмпириокритиков Вазарова, Луначарского и других; и ВСЕ это мне кажется толковым (С.С.З.В.В.). Это не имеет физического силу, чтобы не давать себе уметь настроению, как делает Плеханов! Тактика его — черт похотиости и инертности. В философии он отстаивает право деля. Я — за материализм против эмпиризма.

— Книга «Очерки философии марксизма» существенно важна, она раздалась среди нас по вопросам философии. Я прочитал все статьи, кроме суворовской (еще читая) и с најндой статьей прямо бесновал от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириокритицист и эмпириокритицист к Солоту. Уверять

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания срок четвертый
Выходит два раза в месяц

15 (1945)

АВГУСТ 1967

Вам ехать в театр? Что тут терять лишние часы? Если вы не любите театры, не обойтись. Хотелось бы не зависимо от философского дала...

Нак по-Вашему, «Пролетариям» Беспорядочный он. Я еще иногда так не неглижированной своей газетой, чаше, изредка, в некоторых мажорных, а статьи в газету пишу невозможно насло...

«Я был на острове Капри...»

В начале апреля Ленин отвечает Горькому, настойчиво приглашающему его на Капри:

— Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать людям, пускающимся проповедовать соединение научного социализма с религией, я не могу и не буду. Горький желает, чтобы я не перелюлю... Я уже послал в печать самое что ни на есть формальное объявление войны. Дипломаты здесь уже не насло... конечно, не в худом смысле говорю о дипломатах, а в хороше...

Этим «формальным объявлением войны» становится примечание в ленинской статье «Марксизм и ревизионизм», написанной в те дни для сборника «Капри Маркс». Осудив «глубоко ошибочные попытки провести различия между научным социальным хлам под флагом критики тагетического оппортунизма» Плеханова, Ленин пишет:

— [Смотри] книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Вазарова и других. Здесь не место разбирать эту книгу, я должен был ограничиться лишь заявлением, что в ближайшем будущем по моему идею составлю брошюру, где все сказанное в тексте про неомарксистских ревизионистов относится по существу к вам и эти «новыи» неомарксистские неомарксистские ревизионисты.

Слова «ампирномонистов» и «ампирномонистов» — идеалистические воззрения английских философов XVIII века. Они в Берлине, Ленин как бы предисказывает основные положения своего философского труда. Тем не менее 10—17 апреля Владимир Ильич проводит на Капри, посвященный только что ленинским письмом допоздний высказывания Владимира Ильича Горькому. На пристани Ленин тогда решительно заливает писателю:

— Я, я знаю, вы, Алексей Максимович, встали надеяться на возможность моего приращения с максимизмом. В точности смысла — не совсем то. Но так уж вы не делайте никаких попыток...

Горький говорит Ленину, что Богданов, Луначарский и Вазаров в его глазах «крупные люди, отличные, всемирно известные, образованные, я бы хотел, чтобы вы встречали равных им...»

— В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

— Знаете, я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

Владимир Ильич Ленин в 1910 году.

...Я был на острове Капри в апреле 1908 года...

На с. 1 и 2 м. В. И. Ленин пишет в шахматки с А. А. Богдановым, За ними: И. П. Лубянский, А. М. Горький, З. В. Петков и Н. В. Богданова.

читая, что «всера в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), сплутать самым безобразным образом материализм и канитанство (Базаров и Богданов), проповедовать разновидность агностцизма (ампирномонизма) и идеализма (ампирномонизма) — учить рабочих «реалистичному стилю» и «обожанию» высших материальных потенций (Луначарский) — объявлять мистично эгзотическое учение о диалектике (Ворнак), — черпать из вонючего источника наместо французских «агностицистов» — агностики или метафизики, немарксистских положений. Владимир Ильич пишет, имея в виду Александра Богданова:

...ло поговору Вашей статьи или в некоторой сяди с ней вышла у нас, как это ни странно на первый взгляд, довольно тесная дружба с Александром Алксандровичем... Когда я, прочитав и перечтя Вашу статью, сказал Александру Алксандровичу, что я против ее помешания, тот стал тешить тут у нас приговору наивла створеши раскола. Ввиду мы собрали заду референционную тройку в специальное заседание для обсуждения моего предложения. Среди русских (социал)демократов) статья ф р а к ц и и о н ы и я разногласиям белов и менов. Этим самым писавший мне предписало дураки или дураки нас сплюсти. Мы сразу сошлись на том, что заявление о нашей нейтральности безусловно необходимо теперь в первом же номере «Пролетария». Это до наивла соответствовало моему настроению после вы-

хода «Очерков». Заявление составили, единогласно утвердил...

Приведем составление Лениным «Заявление редакции «Пролетария», опубликованное 13 февраля 1908 года. Процитировав упомянутое выше предписание переводчицы, Ленин сообщает:

По поводу этого заявления «Пролетария», нам идейная представительница большинства течения, считает необходимым заявить следующие. В действительности этот философский спор французским не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники общих философских направлений.

В марте и первой половине апреля Владимир Ильич снова пишет Горькому:

— Из за философии этой с Алксандровичем Алксандровичем) мы вроде как в сорре. Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного ампирномониста и руганусь площадными словами, завтра — другого и матерю...

Получив Ваше письмо насчет драки моего с максимизмом. Вполне понимаю и уважаю Вашу чувствительность и должен сказать, что от пытки друзей и недружественных и в ряде мажорной проповеди, но я обязан выступить против нее. Я не полюбил шуму, если бы не убедился безусловно, а в этом убежденность с надами янем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К., что много их — неавторитарная, финистерская, полонская а с а от начала до конца, от ветвей до корней, до Маха и Амаха. Я не могу не отсюда следовать? — В конце концов я считаю их людьми одной наии, а единство цели, поиную, что осознанию глубокого, возможно бы стоило учитывать философские противоречия... — отвечает Горький.

Какое же тут «принятие» может быть, милой Алксандры Алксандрович! Помогите, об этом свицении и записках. Вой а болю то нежелание... Я немного совмещая, стоит ли нам вместе и

Сапоги

— Где ты был и куда ты ездил!
Хоть на карте, отец, понаим.
Сын надевает с моей ноги
Мои походные сапоги.
Я сына веду под мои созвездья
В сумраку снежных Бискайям,
В туманы Азия.
И Саянским отроган.
— Смотри, сынок, на вершины гор.

— Я сам пройду по твоим дорогам! —
И сын уходит в снежный простор.
Стучат по асфальту
С моей ноги
Мои походные сапоги.
Во дворике городского предместья
Мой сын открывает Большой Азис.
Над ним полыхает мой созвездья.
В глазах беспокойство отцовских
глаз.

А завтра...
Ну, что же, сынок, беги
Гремят походные сапоги.
Детство за зрелостью поспешает,
Детство созвездья свои открывает,
Детству вперу с моей ноги
Мои походные сапоги.

13
НОВЫХ
СТИХОВ

Дублерша

А жила она счастливо,
Нас не плоше.
Но девочку пригласили
В фильм дублершей.
Не могла киноактриса
Вплыв пускаться,
И по скалам мокрым,
склизким
Подниматься.
Словом, рисковать собою
Не решалась,
А дублерша на такое
Соглашалась.
Как она открыто и
бесстрашно
В пламя лезла!
Но актриса в кинокадре
Улыбалась трезво.
Пал таежный.
Жарко-жарко.
Больно-больно.

И актриса в кинокадре
Ежится невольно.
Нет, девочка не играла,
А болела.
И на скалах
Ушибала тело,
И тогула,
И кирпича,
И металла,
И не знала,
Что актриса улыбалась.
Говорить ей в фильме
этом
Запрещали.
Только тело мощным
светом
Освещали.
— Ах, замалка,
Ах, фактура,
Ты находка! —
Восхищалась режиссура,
Согревала водкой.

И актриса торопливо
Ручку жала,
А дублерша уходила,
Уезжала.
В швейной цехе
индлюшва
Легкий скрипел.
Кто там коса,
Кто там криво
Кронт, ржет!
Мастер видит,
Брек с потоки убирает.
А девочка ничего не
замечает.
А девочка снова видит
Все на свете —
Ее бросается под ноги
Шальной ветер.
Палом дмимым вновь
окрашен
Полдень марта.

Но зачем руками машет
оператор!
Оператор!
Это мастер причитает.
А девочка ничего не
замечает.
В клубе плакали
Фабричные девочки
И кусали губы.
Понимаешь, плакали
девочки
В нашем клубе.
А дублерша там сидела
в уголке,
И сама она смотрела
Фильм с платочком.
И сама она слезами
умысалась,
А великая актриса
Улыбалась.

Черная речка

Я Черной речкой, Черной
речкой,
Как черной болєю, одержим,
Всю ночь моя трещала свечка,
Был белый лист нестремим,
И снег летел на поддонник,
Крутился, путал мелкий бес.
А будет ли молчать покойник,
Еще не выяснил Дантес.

У гроба дремлет академик —
Натурчик может обогнать!
Поэт, России вечный пленник,
И на устах его печаль,
И опечатана квартира,
Выблотнота и ларца,
Приставки к гробу конвоира,
Во уснопонышис, дворец,
Солдатки молится поспешно.
В окошке — черная топа.

Очарь, оратор неутешный,
Кричит маршору со стопа.
Да разбегутся прочь Дантесы,
Россию слава и князя,
И истыги богом, мелким бесом
Поэт, как нож, войдет в меня.
И кровь забьется Черной
речкой,
Одной Россией одержим,

Ее лучной стану, свечной,
Как белый лист, нестремим.
О мышей помышила каре,
Я собору в один ларца,
Все, отчего черной Бугарин
И дулянта слал дворец.
И пусть прозлит меня, света,
Адмиралтейская игла.

И снова Саяны

...И снова Саяны.
Над зноем,
Над кручей,
Над низко летящей,
Разлапистой тучей,
Над речной Оленьей,
Над следом марала,
Где сходятся тени
Тайги и металла...

Тайга и машины.
Снега и моторы.
Вершины, вершины
Уходят в просторы.
Завязли в туманах,
Замерзли в метелях
Отроги Саяна
И малые елн.

Так пойте моторы,
Летите машины
В просторы, в которых
Белеют вершины.
Чтоб песни будила и в
седлах начала,
Хорошая песня тайги и
металла.

Из Тулы прадед тонал...

Я слышу в центре Азии
Орляный взмах крыла
И песню Стеньки Разина,
Что с Волги забрала,
Несли ее накардальнином,
Подхватывала голы,
Конвойные начальники
Средляли в песню-больш.
Да разве песню выстрелом
Уложат господа!

Брала ты села приступом,
Врывалась в города,
Тревожный дым Ханасин.
Орляный взмах крыла,
Будет момент, в центре Азии
Ты первую была
Надежною и верною
Оперою в глуши,
Бугарской песней-герою
Израненной души.

Из Тулы прадед тонал
В Саяны за Ингол.
Под армяком холопа
Таялась эта боль.
От прадеда ханасы
Узнали песню-больш,
Когда ушла мой прадед
Лицом в степной нояль.
В крови седме прадед:

Конвойный метки в лоб.
— Прощай! — шептал мой
прадед,
Накардальник и холоп.

Я слышу в центре Азии
Орляный взмах крыла
И песню Стеньки Разина,
Что с Волги забрала.

Первыми вестниками Магнитостроя были геологами.

Фото А. ШАХЕТА и из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов СССР

По призыву товарища Крижановского мы, дипломники Первого мединститута, отправились на Магнитку. Все были уверены, что едем работать техниками, применяя свои знания. Ведь тогда очень мало было специалистов.

Встретил нас палаточный городок, землянки, страшно перенаселенные бараки. Мы пошли работать на электростанцию. Это был бетонный маршак, покрытый опалубкой. Не было даже фундамента для побочных помещений, не было котлована для котельной, не было подземных путей. Пришлось кантовать ящики с оборудованием, рыть котлованы, строить подземные дороги.

Это не всех устраивало. Некоторые говорили: «Мы техники, специалисты. В нас так нуждаются стройки, а здесь стали чернорабочими». Многие после двух месяцев перебрались в Березники работать по специальности. Но большинство осталось. Мы создали крепкий студенческий отряд, и Магнитка стала нашей школой нашей жизни.

В те годы во всей нашей стране был поднят лозунг «Пятилетку в четыре года». Но громче всего этот лозунг звучал в нашем Магнитогорске. Мало было трудиться хорошо. Мы работали сутра до поздней ночи, без выходных. Спать приходилось, поворачивая полу ватника и накрывшись второй по-

лой. Утром — длинная очередь в столовую, одна ложка на двоих...

Мало было хорошо, старательно работать. Надо было успевать, провальной огромную инициативу. Тенучность кадров была огромная. На стройку приезжали разные люди из глухих, медвежьих уголков и из больших городов. Многие плохо представляли, зачем едут. Приезжали, видели очереди в столовую, селедочный суп, илау «блондинку», поочевку в бараках и дала юрсу. И... терялись. И тут мы проявили огромную организационную активность. Ходили по баранам, устраивали импровизированные митинги, возвращали народ.

Моя подруга Елена Динаридзе была прорабом первого комсомольского участка Магнитки. Помню, дали ей 50 человек рабочих. Приходит — нет ребят. Где они? Оказалось, на железной дороге сидят, порожники домидаются, чтобы удрать. Мы бежим на станцию.

Сидят волжани на рундучках, покуривают ростошня, в кепочке... еще не отдышались... кричат им: «Что вы делаете, вы советские люди или нет? Вы понимаете, что вы строите? Куда же вы сматываетесь, как вам не стыдно!» Я чувствую, что вот-вот она расслысается. Стою за спиной, и кажется мне, что ничего-то эти парни попомте не могут... Слышу что-то голоса.

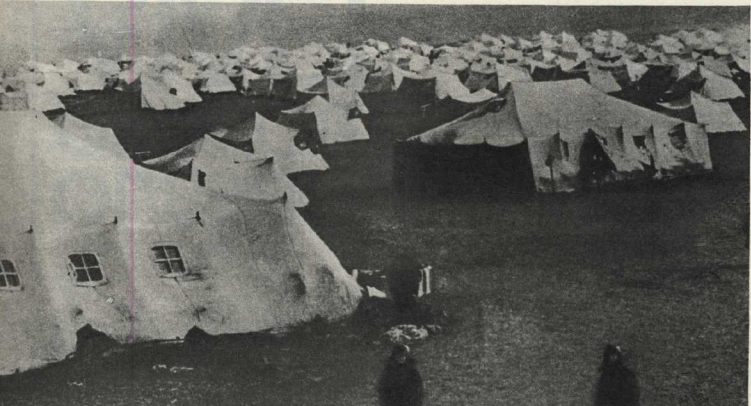
«Работа, а порюминато-нет, может, поработавем...» И вдруг все поднимается, один только баянист остается на

месте. Через минуту выступает по шпалам маленькая-маленькая Елена Анисеевна. А за ней 50 человек со своими сумочками кату ноза...

Вся страна помогла Магнитке держать невиданный темп стройки. На заводах, фабриках комсомольские бригады следили за качеством продукции, предназначенной Магнитострою. По всей железной дороге, на всех станциях были созданы комсомольские посты. У нас существовало клятво «Магнитка». По этому клятво все группы шли без задержек.

На Магнитке работали не только советские инженеры, были там американские, немецкие специалисты. Посты комсомольского контроля стали замечать: иностранцы сознательно задерживают выдачу чертежей, чтобы продлить сроки строительства и увеличить выгодные контракты. На свои страхи и риси мы сами ускорили монтаж оборудования. Когда электростроители, дававшие домнам том, была готова, немецкие специалисты отказались ее вклячать. «Мы не уверены в качестве монтажа», — говорили они. Но мы-то были уверены! И вот Елена Динаридзе, девушка, которой тогда было 22 года, только что окончившая Московский энергетический институт, прозав первый комсомольский участок, шлонала 50-тысячный генератор. Пуск комсомольских домен был обеспечен!

С. А. ПЕТРЕНКО

Работ с комбинатом закладывался новый город. Так выглядели в 1929 году «улицы» Магнитогорска.

Этот плакат появился на стройке в начале марта 1931 года.

В тесном барнаке при первом свете керосиновых ламп шла очередное заседание бюро комсомола Магнитострой. В углу тесной грудой железки ватники. Сидят мажорный дым медленными струями вытекает в форточку и расширяется в теплом весеннем вечерке.

— По итогам пор администрация будет занимать индивидуальную комсомол! — торчался очередной оратор. — Мы доказали, что комсомольцами являются ударной бригадой строителей, а никакой ответственности задачи нам до сих пор не доверены!

— Если мы отступим, то построит здесь всей десятилетской организации! — Такте, товарищи! Есть предложение — построить одну из домов цеховым силами наших комсомольцев. Но сначала давайте все автиски, призывам — справимся ли?

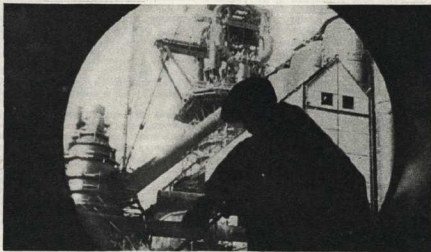
На другой день, 7 марта 1931 года, на стол начальнику строительства легла резолюция, подписанная бюро РК ВЛКСМ:

«Мы хотим взять под свою ответственность один из серийнейших объектов строительства — домик № 2, построить ее силами комсомольцев и беспартийной молодежи под руководством технического персонала и на ней повелевать подлинно большинство темпы и высокое качество работы, обеспечить этим выполнение приказа партии по строительству Магнитогорского завода».

К ударной комсомольской домике мы обзавелись подтянуть все остальные участки стройки».

Через несколько дней на домике № 2, которую теперь все называли комсомольской, завели работу. Молодые строители взяли первое обязательство — дотянуть домику № 1, монтаж которой «архитекты» начали на месяц раньше. Смело их, допустим и обязательство, узнали вторые домик «Дютой простои», «Все — на бетон», «Давешь пиани». Каждый день, каждый час работа была втялом борьбы за шпиль. Воробья была трудной двойней, потому что всего не хватало — специалистов, машин, стройматериалов. То вода вдруг заливала котлован, и комсомольцы, стоя в ледяном месине, продолжали бетонирование. То в самый разгар работы ночкался наливает, и комсомольцы неустрашимыми усилием словно из-под земли доставляли необходимый огнеупор. Потом наступило время бурных споров на летучих комсомольских собраниях, решительных призывов «молния»: «Домик № 3 должна перейти на хозрасчет». Администрация перебросила бригады ударников на другой участок стройки, и тогда ребята решили: будем работать на своей домике после смены, в свободное время...

И комсомольцы сдержали слово. Их домик дотянул в своем росте первую. Обе гигантские печи Магнитки были заданы в срок.

Вся жизнь Магнитки подчинилась темпам создания домен.

то говорить, и тайге не то, что в городе. Здесь леса, и обработка свое, остается вместе: куда податься? Здесь знают друг о друге все. На лесозаготовке и ста человек не было — маленькая лесная деревня, выстроившаяся каждому на ста свое место — кто уж как заслужил.

Люди, конечно, разные. Вот, для примера, мой сосед по комнате в общежитии. Моторист Чадок. Это предмет постоянного шуток. Не попутить над Чадком — это уже нарушить общий порядок. Чадок — хороший моторист, даже, можно сказать, очень хороший: не было случая, чтоб подвели его движки, а ведь дожди нередко выливали сараишки, где он откосил со своими моторами, по высокой осынов не завоили в лесную деревню зацепить. Чадок плелся, лез на сараишки чинить крышу, возился со своей техникой, что-то бурчал, и все шло как по плану. В это время он был оживлен, расторопен, хотя и медлителен. Но стоило явиться смещенку Чадку, как, казалось, щелкал невнимательный выключатель. Чадок погасал. Все остальное время, насколько Чадок спал, исполнял мой материал, назвал его «отрицательным типом». В зале засветили, затопили. Сам Зиновий, огромный, мрачный, лохматый, молча пошел к выходу и от дверей уже посмотрел на лектора таким долгим и тоскливым взглядом, что тот смозлился и вдруг громко сплюнул. Зиновий усмехнулся и хлопнул дверью.

Вот Зиновий Маркелов по прозвищу «Бродяга». Этот из ковчегов. На одном диспуте в клубе авиационный лектор, используя мой материал, назвал его «отрицательным типом». В зале засветили, затопили. Сам Зиновий, огромный, мрачный, лохматый, молча пошел к выходу и от дверей уже посмотрел на лектора таким долгим и тоскливым взглядом, что тот смозлился и вдруг громко сплюнул. Зиновий усмехнулся и хлопнул дверью.

Десятка два лет таскало его по России вдоль и поперек, а насытиться он не мог. Ни семьи, ни денег, ни денег, ни денег. В это время? Что угод? Где остановился — там дом. Хотя немощловен, а тянутся к нему люди. Все на свете умеет Зиновий: чинить часы, водить трактор, мастерить игрушки, шить сапожки, складывать вещи, бить саперы. А уж кулины!

Была и такой случай. Жена чокорчица Кати Лепешкина надумала в неурочный час рохнуть — к станции как раз и пути не было. Маркелов посмотрел на обложку сумки и паяннику, вынул ружья в кипитке и шпирте — стал за акушеру...

Лесоруб он также был отменный...

Ну и, наконец, Сашка Юматов, шофер. Хитрый нос, прищуренные глаза, петушка на боку — фартовый парень! Классный шофер, нет слов, но скандальный и оторванный. Вешалку, рывковую еду любил больше всего на свете. Он мало кого признавал и, во всяком случае, никому не подчинялся. Скандалью у него на этой почве бывало часто, но хороший шофер он был. Везли везли. В лесном бальдее это нельзя не ценить.

Старый начальник лесозаготовки вышел на пенсию и уехал к себе в Калужскую область — истарую авиацию искать. А нам прислали нового, молодого — Тенькина Василия. Старый был грубиян, матерщинник, но своякий в доску, когда и вымет с народом, а молодой, как приехал, сразу удивил народ. За полуботочки его не представляли. Виталями из коробочки ест, по утрам — тирис, запаренный. А еще — скачет скакалку, как девчонка какаля. Фронт. Чистенькие бахилы, дождичка подогнан, каждый день при галстук. Зиновий, увидев его, как-то завопил и сказал задумчиво: «Уходит надо, однако».

Чадок удивился: «Что так? Он сам скоро съездет. Галстук...» Но Василий обносился крепко. Всегда спокойный, ровный, аккуратный, он не мог перенести вида расхлябанных людей.

Однажды влетел к нему Юматов со своей тапирей без тугонки и кепочки на ухе, с напирной, пришедшей к нижней губе:

— Начальник, парад на горочке подиши, машина на базу уходит.

Начальник вынул из кармана расческу, прокуд:

— Прически!

У человека дело горит, а он... Юматов тут не сдержался, сорвался с языка слово. Начальник дрогнул скулой, но наряд не подпустил. Юматов насех пригладил волосом, отшпырнул расческу. Василий неторопливо вывел подиши на наряде и ровным голосом попросил Юматова больше при нем, Василия, матерых слов не говорить. Потому что они нехорошие.

Новый начальник очень любил инструкции. Скажем, отравляющий обрубленные стволы с мерного склада на нижний, кто-то и уедет на брешне: «Их, прокачу!» Не дай бог Василий увидит. Симмет с платформой и тут же влетит выговор или штраф соответствующей Инструкции по транспортировке лесоматериалов.

Есть указание вышкинку: нию только такой-то вымоты оставлять — умри, а выше не смеи — хлопот не оберешься. На этой почве у Василия были постоянные стычки то с вышкинками, то с обрубниками сущими, то с тренщицами. Но люди подчинялись. На участке начальник пользуется очень большими правами. Тут он и хояния, и суд, и отдел кадров.

Встретившись с Василием, всеюм Юматов переставал улыбаться и затеивал скандаль, нарочито рвался к соре. Он пререкался с бригадиром, включая предельную скорость, давил на клячок и однажды даже притворился пьяным.

Он жаждал конфликта, ждал, когда начальник его остановит и начнет выговаривать. Тогда он скажет втому «Париграф» на людях все, что думает о правлении, заплетит ниструкция, обо всем, что снижает свободу и инициативу рабочего человека.

Но «Париграф», как назо, не принимал вылова Сашки, избегал его и не трогал его, но повышал голоса, хотя предупреждал как-то наведующего гаражом «о разболтанности некоторых водителей».

Знал бы Сашка, как трудно приходится иногда его одноклассу, загордившемуся от

всех своей спертжанностью, чтобы не было видно ни малюго его еще жизненного опыта, ни напряжения, с которым поназавал новые жизни, новая работа, новые люди. Он болел, молодой еще инженер, разговор по душам, мягкого слова, потому что, казалось ему, вслед за тем придется попорпаться с авторитетом и надо всем возобладать неизвестными стихия расхлябности и развильдства. И он хватался за спасательную буйву принака, инструкцию: в их лаконичности и беспальдонности обреталя уверенность в себе и хети как-то работать.

План выполнялся, росли кубометры, юрские паровозики волокли их на вынине складов к воде, а начальник лесозаготовки, кроме «Здравствуйте», не допускал других неофициальных разговоров и темел, когда встречался с наглово-всесюм Юматовым.

Почем-то лесу невелики, все это видели, один пожимали плечами, другие с любовью ждали, что будет дальше.

Паргор лесозаготовки пытался как-то поделиться своим тревожностью с Василием, пригласил его к себе, но тут спокойно возразил:

— Чувства шофера Юматова меня не интересуют. Кроме того, он неплохой работник. Так что лесозаготовок это устраивает. Меня лояк.

Паргор вдохнул:

— Проще надо с народом, ближе, что ли. Геннадий жомал плечами.

— Как это ты — полтора года тут, а друзей не завел? Проще надо быть, ей-богу... Здесь отличные есть люди...

Геннадью стало вдруг грустно и жалко себя. Жаль чего-то простого и очень важного. Может, напрасно вывалил он на себя этот груз? Может, ни к чему окружное знание участка, лесосек, любовь к делу и честность? Мелочливость, завидка, ежедневный английский, диссертация, такая близкая к завершению. Все так продуманно, точно. И только другой из полтора года он не завел. Не захотел. И, может быть, теперь уже это будет эдак не так просто... Да и он ли виноват? С кем дружить? С вечно смеющимся Чадком? С Зиновием, у которого лет на на-

ЕНУ

Здорово повезло

Е. ТАРАНОВ

стоющей, ки будущее — только зияющая хватка? Может, с Сашкой Юматовым? У Веснина слезо скучил. Нет, еще неизвестно, кто виноват...
* * *

На нижнем складе на везе поселок вопила циркулярная пила. Уже три смены подряд она стонала, выла, пронзительно жаловалась на свое судьбу. Без чьего своего чередом, если не считать, что плотники ставили навал в гаража два утешали дома.

Подходила осень. А с ней перемывалась до зарюков веселая свистящая вилка. До ближайшего города было около сотни километров никудашной дороги, перерезанной востушками и коварными речушками.

Потому что ослез старательно завила на базу все необходимо, и машины ставились на консервацию. Две без реинии, сиротливо задрав носы, уже стояли на колодах.

Подготовкой к зиме были заняты все, кроме основных рабочих на лесосеке. По-прежнему шли в тайгу валкишки, обрубчики, озачено урчали трелевочные тракторы, вытаскивая к дороге очищенные от сучьев стволы, называемые ельщиками.

Всталась без дела ода Сашка Юматов. Он постоил у дремашего Чадка, потом разгустил ящики у магазина, потом поделсе к свободным от работы лесорубам, которые тоже готовились к зиме. Проверотрольвал охотничье снаряжение; подгонял лыжи, подшивал патронташи, чистила ружья.

Им лыж, им ружья у Сашки не было, и он начал набирать моху-то патроны, с тоской думая, что и эта работа ему не по душе.

Кто-то насмешливо спросил:

— Эй, ударили, что ты не на работе? Васька, никак, еще вертат баранки?

На слеза у него кинца толпа, а машина забесна, на ларечки-буфетчик жалует. Его с корабля списали, так он и нам на отстоящий участок перешел...

Сашка промолчал, но обидя к виновнику его бедства залестула парня.

А бездельничая он вот почему. Нефедю наладил на грузево-буфетчике замочное кольцо, увидав Веснина, то ли форсе ради, то ли случайно, Сашка сбил одинокий киоск, стоявший у дороги. В лучшие времена в киоске собирався продавать шотер, потом ночевать сторож, а потом долго дингали и оставили напротив конторы. Веснин остановил машину и предложил с холодной величью Юматову:

— Разгустите лес, зайдите в контору...

Сашка управился быстро, затем обратился к знакомому паренку-грузчику:

— Ну как, хочешь попортковаться на шотере? Я слышала, у вас на куравах скоро взвямны.

Царень удивился: такая горячая пара и шотер дает машину... но поспешно цепился в руль.

— Только подбрось меня к конторе на пару минут, — закончил Сашка.

Зловредный «МАЗ» с грохочущим прищелком подкатил к конторе, стал прямо под окнами.

Сашка самовольно, не торопясь, вылез и покровителственно бросил:

— Подожди здесь!

Веснин увидал в этом не только нарушение порядка — передачу руля другому человеку, но и прямой вызов.

— Уплывай за будочку? — нахально спросил Юматов, залез в карман и протянул смяту трещку начальнику. Не мигая, бледный Веснин смотрел на Юматова и пошел на него. Кинув ухватившись за ручку поддона. Пальцы железными клещами сгребли фуфайку, етегнали груды, и запылю у Сашки в затлке: не если ударит — вынчит, насмерть.

Веснин опомнился. Бредливо вытер ружье, отточившие глаза его били Юматова — прохрипел сухо и казенно:

— Вас неадекватно считают лучшим водителем. Я отстраняю вас от работы. Сдайте машину смещнику. А это, — кинув на на

девятки, — если повреждена машина, за свой счет отремонтируйте. Все, можете идти.

И пошел Сашка, сжимая в кулаке трещку, которую хотел швырнуть на стол, если загворит об ущербе госуларству. Вось день провалялся койкой, плаши, как он ударит. Уезжать не хотелось. Прижился, на Доске почета в управлении висит уже год, а вот изза этого задумается все к черту бродя. Мила Сашка еще не оформилась по чьему-то определению, но терала его и жулика. Отпад за свою беспомощность тогда, в кабинете, перенюдала уюту. Вот бы еще тогда стращуку руку и, если надо, схлестнувшись. А так — стоил, в рот шарку. И еще на глазах у людей. Нет, такого не прощают.

* * *

Жизнь лесоучастка понемного уткнула. Часть людей уехала в отпуск, школьники — в интернаты. Отравлен был отчет, и бухгалтер, вернувшись, доверительно сообщил Веснину, что он не знает, сколько точно, но им выписывается премия. Начальник, выслушав, как-то поморщился, неопределенно хмыкнул и затерялся домой, чего с ним никак нельзя было случиться.

Геннадий второй день едва успевае дат наряд на завтра и выслушать бригадиров. К вечеру, шатаясь, бредет домой. Добирается до койки, поджимает колени и лежит часами, чувствуя все ту же тупую, колючую боль в правом боку.

Сегодня особенно трудно вставать. По стеклам хлещет капля дождя, в окние мелькают низкие синеватые тучи. Сил хватает только на то, чтобы тщательно одеться. Проходящие мимо рабочие увидели, как начальник лесоучастка сошел с крыльца, а потом застоялся и повалился на бок.

Вышел вперед Макролов, пощупал и поставил диагноз: аннепидит. Фельдшер на катере уехал за медикаментами, и ожидали его дня через три. Вертелось вываать было нечего: ни телефона, ни радио. Веснина отнесла домой. Он метался на постели и комкал одеяло.

В комнату скоро набились лесорубы и хмурую кинули. Медленно пероговаривались:

— Давайте что-нибудь делогати! Напштарью ему...

— В больничью его надо, на операцию...

— А кто поведет? Тракторист тот, катераниг, а машина разве проедут сейчас по тайге?

Одна, правда, с понедельника стояла на притоне Никитихи, залитая водой. Но шотеры не говорили о ней и старались не смотреть на скорняжеские на кровати человека. Неожиданно в комнату вошел Сашка Юматов. Хмурую оглядел стеной с картинкой пинжского лесника, зачем-то потрогал логарифмическую линейку на столе и долго смотрел на своего врага, бледного и комкающего одеялового — с изумленным, ошавшим лицом. Попотелся, покурил.

— Давай, хлопим, самоваял обувать, а поведе. Только одените цепи и камешей в кузов набросайте для балласта. Часов за шесть поспаравь добираться.

Веснин был без чувств, когда его бережно усадили в кабину самосвала. Сашка попросил заглянуть дичеру, чтобы случайно большой не вывалился.

Машина, как бы пробря дорогу, выехала на лужку и затем раздалась вправо, залпавшаясь минутами и секундами на случай трудного пути.

Геннадий очутился от резкой боли и вкрикнул. Глазнула на шофера, и было не понять, ушел ли Юматов.

Отрепанный взгляд и вкрик отторг детский.

Сашка видел, как скакал Веснин, как покрывался бирсинками пога. Он крипло вывалился:

— Не смейте притиче, не сдерживайте, нам еще много ехате к

Потом глянула на часы. Время идент, а дорога все хуже и хуже. Он вспоминал старую прокруе, где было редколесье. Там, кажется, сугме.

Самый длин стоялся за вощей машиной, когда она накарбалась по гнианному склону. Веснин облизывал персекошие губы и ломал пальцы.

Потом добрался до речушки, которая на глазах заволаговала, а земля затвердела за сантиметром. Посредине ее сиротливо наклонилась машина Вогачева, который возвращался третьего дня из рембана. На кривоных изнутались обранные тросы. Обломанные вокруг дерева говорили, как упорно машина промывалась к берегу.

Сашка остановился, вылез из кабины, торопливо прикинул и пошел провобать люду, где тайла померкнет. Не слонга вылез, а было видно в прибавившей мутной воде, какое дно. Тогда он нагнулся и стал шупать дно руками. Так, на четвереньках, добрался до другого берега. Если показало, вправо, а затем на середине развернулся прямо, молочно пройт.

Пассажир снова был без памяти и не слышал, как ревел мотор, не видел, как Юматов почти лет на руль, будто это позволяет чувствовать камешки под колесами.

Когда машина почти выпрыгнула на берег, Сашка возбужденно загворил:

— Я же говорил! Не слонга забрелся. А все потому, что цепи хорошие, не пожелали ребята. Им мировые хлопим. Только им узнать надо. Я пока устал каждого, знаете, сколько времени прошло?...

Геннадий сидел, стиснув зубы, боль подкатывала к сердцу, отдавалась в затлке, не было рук, ног, глаз, была одна боль — отбывавшая на каждую дорожную ямку. Он не видел, что сидит рядом, а говорить не мог, а только стонал. Сашка не задала, вставая, скатывался со лба и дышал глазами.

Сашка, подвывая к очередной речушке, уже по привычке ложился в воду и на ошупь прощупывал дно.

Размытая дорога бросала самоваял со стороны к стороне, ветки кодров загдывали в кабину, хлестали Сашку по лицу. Он боялся молчаливо соседа, завпавших в барраку, все говоривший.

И внезапно перешел на «ты». Вдохновенно подбавлял он Веснину и с удивлением сам слушал себя.

Веснин, скорняжески, забился в угол, а Сашка, видя, как все бледнеет до зелени пассажир, продолжал:

— Вот над тобой многие смеются, а сами по утрам заробкой начали делать, а вот увидь, как к тебе книги присылаю, много книг. Подувай: что, к хуже? И набор «Университет на дому»: кухня, Думай в институт или техникум податься; ты не пососветуешь, куда: в лесной или по шотерскому делу?...

Машина летела по олому Сашке извостому пути. Не трясло, бросало по все стороны, ружь у Юматова ныли и одеревелили. Ехали уже семь часов.

В который раз очнувшись, Геннадий слушал его, и мелькала мысль: если бы и явил этих людей, Сашка бы обманул, а не стал, пока не затемнело сознание. Сашка с изумлением, растущей жалостью и симпатией смотрел на этого ранее незнакомтого оло человека. И внезапно он подумал: хорошо бы иметь такого друга — корена, сильного, волевого, образованного. А что нежикнуть любит — так вытерпеть же на лесном воздухе...

Взбрыгнувший грузовик, звеня цепями, подкатил к большому дереву. Сашка обманул, выгит, открывал дичеру. Потом на руках вынес большого в вестиблю.

Он слышал, как за дверью стоял Веснин, бегали сестры, готовясь к операции. Чьего-то неведомого Юматову залестуло его. Он вывал лизток из книжки нардов, откупились, красивыми пальцами напарала: «Держись, кореш!» Записку успел сунуть в яичекце, выходящей с охоткой одежде. А сам слез в калитку. Ехали уже девять часов — поздно, да и уходить не хотелось.

Дежурный врач скоро вышел, без предельно сказал: «Ему здорово поехали!»

Они покурива удрали, потом Юматов улетос на дивачник в приемной и уснул.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Встреча с осенью

«Здравствуй, мать
голубая осенняя!»

С. Есенин

Ты чего шумишь, осень,
Разве я тебя срублю!
Я ж тебя любовью сына,
Сына кроющего, люблю.

Да и ты меня любила —
Забывать о том грешно,—
Хоть оно, конечно, было
Так давно,
Давным-давно.

Помнишь, ты меня, бывало,
По-родительски щадила,
Как умела, укрывала
От внезапного дождя!

Помнишь, в полдень, самый
жаркий,
Я в тени твоей играл!
Помнишь, здесь твоим
подарком,
Подосновник, брат!
А твоей красною скромной
Разве я не дорожил..
Я тогда листок твой

красный
в том Есенина вложил.

Пожелтели в нем страницы,
Только стих все свеж и чист.
Там по-прежнему хранится
Твоя багряный круглый
лист..

Правда, было и другое.
В ягине любви горел.
Но отворугут был и в горе
Совершенно одурел.

И в кору твою пошестно
Врезал сердце и стрелу.—
То по глупости, конечно,
Понимаешь, не по лзу.

Что ж скрывать: я —
защититель..
Ведь они и до сих пор
На норе зеленоватой
Все зияют — мне в укор.

Но послушай слово сына,
Вот что я сказать хочу:
Больше злою тебе, осени,
Никогда не заплачу!

Ну, а ты, мой стан согбав,
Не тревожься, не грусти.
Мать осени голубая,
Ты за все меня прости.

Детские часы

Дочка довольна: что за часы
Эта избушка на курьих ножках!
Кот ученый идет в сапожках,
Лихо закручивая усы.

Селенке над крышей летит в зенит.
Смотрит в окошко мышка-норушка.
Вот замечательная игрушка..
Что-то в них вздрагивает и звенит.

Правда, уж очень они спешат.
Мчится стрелглав часовая стрелка.
И на качелях маятник-белка
Так и летает вперед-назад.

Сутки проходят они за час.
Надо же, час, и — прощайте, сутки!..
Стойте! Да это ж плохие сутки —
Жить, с такой быстротой мчась.

Этак все наше житье-бытие
Может в одном улиться часе..
Дочка хохочет.. А что ж, в запасе
Целая жизнь еще у нее!

Милые детства! Когда-то сам,
Чтоб повзрослеть, чтоб успеть

за всеми,
Я торопил бесподобно время,
Удобривая твоим часам.

Я заводил их воем ключом,
Аляповатым и запонченным..
Да, хорошо быть котом ученым —
Он-то и подает им о чем.

Вы ж настораживаете меня.
Видно, я время неверно трачу:
Чтоб хоть какую решить задачу,
Мне и без вас не хватает дня.

Белка взлетает под небосвод.
Стрелка несется неудержимо..
Только раскручивается пружина,
Смотрится — и кончился весь завод.

Столбы

Протяжим стоном оглашая дань
И песнями врываясь в города,
Без устали звенели и рыдали
В ненастную погоду провода.

И вместе с ними, вопреки простудам,
Под ветром перламутровой судьбы
До дромов износили чудным гудом
Певучие сосновые столбы.

Иа лес и поле заменяли сцену,
А слушателей — тлцы и зверь..
Но постепенно им идет на смену
Глухой бетон, мутное литье.

Столбы встают в полях — за тонной
в тонна..
В дома приносят свет, тепло, уют.
Но, сделаны из лучшего бетона,
Они уже и в бурю не поют.

БРАТЦА

РАССКАЗ

Алексей Алексеевич умер, и смерть его никого по-настоящему не огорчила. Правда, когда его хоронили, некоторые девочки всплакнули. Но скорей всего они жалели не столько самого Алексея Алексеевича, сколько просто старуху, одинокого человека, у которого, как вдруг оказалось, нет ни близких, ни друзей. И, кроме того, на них гнетуще действовала обстановка похорон.

В последний путь Алексея Алексеевича провожали несколько учителей и группа школьников. «От имени и по поручению» речь держал физик, которого ученики звали между собой «дядя-лошадь» за лицо, чем-то действительно похожее на лошадиный морду. Он шепелявил — тотелый язык с трудом выворачивал у него во рту, — и физик никак не мог выбраться из очень сложного и запутанного лабиринта фраз. Но его словам выходило, что Алексей Алексеевич едва ли не продолжателем дела Ушаковского, выдающийся педагог нашего времени, который своим добросовестным и изумительным трудом помогал динать вперед самую передовую и мирно советскую науку, которая в соединении с такой практикой и опираясь на связь обучения с жизнью.. Кое-кто из десятиклассников едва заметно улыбался. Директор школы с бесновательством поглядывал по сторонам.

Да и что, собственно, было расстраиваться ученикам? Алексей Алексеевич появился в школе сравнительно недавно — год назад его переехал из соседней расформированной школы — и был с учениками в довольно сдержанных, если не сказать категоричных, отношениях. Первое время, правда, у него появились поклонники, но поскольку он не обратил на них внимания, то и они вскоре охладели к нему.

Алексей Алексеевич ни у кого не искал друзей, ко всем относился с одинаково холодным вежливым безразличием. Может быть, потому, что был таким по натуре.

Школьное начальство, то бишь директор — глупый, уныватый человек, с небольшим круглым лицом и небольшим круглым брышом, — относился к Алексею Алексеевичу с недоверием.

Ходил слух, что Алексей Алексеевич в свое время то ли сотрудничал с символистам, то ли был дружен с кем-то из известных эмигрантов-писателей. В этом прекрасодущий директор не видел принципиальной разницы. В каждом суждении, реплике Алексея Алексеевича он искал злой намек и был готов, так сказать, к любой негодности.

Однако же Алексей Алексеевич не замечал или делал вид, что не замечал того, что директор старался обходить его стороной, так же как вообще не обращал внимания на чьи-либо неудовольственные взгляды. Он вел себя независимо и сразу же занял особое положение в школе. Алексей Алексеевич мог, например, позволить себе вместо стула затрогиваться на крышку парты,

Рисунок В. ЮДИНА

мог поставить двойку за то, что десятиклассник не знал, кто такой Луначарский.

И вообще он был довольно странный человек: все еще курил махорку, хотя война окончилась аж уже как два года и можно было бы покупать себе папиросы, а не кленить каждый раз самокрутку, рассыпая при этом крошки табака. Да и внешность Алексея Алексеевича не располагала к нему: высокие, костистый; коричневый костюм болтался на его худых плечах; широкое смуглое лицо было похоже на слегка выструганный квадрат. Из-под густых, нарисанных бровей выглядывали острые, как буравчики, добрые и одновременно насмешливые глаза. Остатки серо-пепельных волос были словно приклеены к массивной черной коробке.

— Дорожничко! — говорил он своим хрипловатым голосом. — Идите-ка отвечать, милостивый государь!

Дополнительных вопросов он не задавал, зато слушал внимательно, уставившись с любопытством на ученика или глядя куда-нибудь в сторону, в одну точку.

Однажды, когда буйно отвечал Петриков, известный в школе лоботряс и бездельник, Алексей Алексеевич оживился, посмотрел на него с явным интересом и удовольствием.

— Однако ж, милостивый государь, — сказал он, — у вас есть пробелочки... весьма рад ошибиться...

Повзвонив Петрикову, гордо выпятив грудь, зашагал к своей последней парте.

— Посредственно, — закончил Алексей Алексеевич.

Класс буйно хохотал вместе с Петриковым. Алексей Алексеевич улыбнулся глазами. Он понял, что фраза, которую он сказал вчера, воспринята как шутка.

Не в полнуду Алексея Алексеевича было и то, что он часто ставил двойки, редко пятерки, был строг, заставлял краснеть юншеской с пробавляющимися усныками и девчонки с модными прическами, уличал их в невежестве. Был даже случай, когда девushки пожаловались на Алексея Алексеевича директору. Он рассказывал о старинных свадебных обрядах, о том, что в случае обмана жених привозил к телеге невесту, обмазывал ее детчем, обсыпал пухом и заставлял в таком виде родителей тащить свое чадо через всю село.

— Хороший был бычач, — с усмешкой закончил Алексей Алексеевич. — Жаль, не сохранился до наших дней. Впрочем, слишком многим пришлось бы каять дочерей по улицам.

Директор никому ничего не сказал, и не без умысла, иначе потребовалось бы принять меры, а какие — он не знал, но однажды в учительский отъезд Алексея Алексеевича в сторону и сказал о жалобе школьниц.

Алексей Алексеевич поднял густые брови: — Ну, и что из этого?

— Ничего, ничего, — ступшевался директор. — Я просто так вам сообщил, для сведения. Но как бы то ни было, в глубине души учени-

ки относились к Алексею Алексеевичу с известным уважением. Его объяснения нового материала были интересными и умными. Алексей Алексеевич лично знал многих писателей, о которых рассказывал, — до революции он был журналистом и даже выезжал за границу.

Однажды не в меру дерзкий ученик затеял спор с Алексеем Алексеевичем о сущности искусства, стал объяснять его вывращение в современном мире. Учитель выслушал, поборанил кончиками тонких пальцев по крышке стола и спросил:

— А знаете ли вы, милостивый государь, что такое Сикстинская капелла?

Тот не знал. И другие не знали.

Два урока подряд Алексей Алексеевич рассказывал о великих художниках эпохи Возрождения. Слушали его с открытыми ртами, и в зных душах учеников пробуждалось нечто новое, тревожно-волнующее.

Алексей Алексеевич так и записал в журнале: «Два часа — художники итальянского Возрождения». И даже директор не посмел сделать ему замечания за отступление от программы.

И вот он, одинокий 75-летний человек, умер. Как это нередко бывает, парализовал больше са-мому факту смерти, а, похоронив, вскоре полюбил к старому учителю.

Через две недели роно приехал нового директора. Он вошел в класс, широко шагая, приветственным взмахом руки показав, что можно садиться, и сказал вместо привычного «Здрав-

стывает» — «Дорого, братишки». Это было настолько неожиданно, что все онемело.

— Вот что, братишки, — мягко сказал он, — вначале расскажем о себе, чтобы удовлетворить естественное в вашем возрасте любопытство. Зовут меня Илья Иванович. Имею два года запятой. Везу из Орска в Москву продукты, а в Одессе общаюсь с друзьями. На подходе. А потом... Впрочем, что это я? Вам, по глазам вижу, совсем не интересно... Интересно? Интересно! — закричали девочки и мальчишки.

В тот же день нового учителя прозвали «Братишка».

Неласно сказало, чтобы Илья Иванович лучше Алексеев Алексеевич вел свой предмет, то есть физкультуру, но это было выходящее организационный метод, если так можно выразиться. Собственно, он, по существу, не объяснял урока как такового. Это все, говорил он, вы прочитаете в учебнике, а я расскажу вам, братишки, одну занимательную историю.

Незаметно для себя многие стали усваивать манеры Илья Ивановича: его рвущиеся жесты, широкую походку, открытость, энергичный жест и даже жесты, особенно жесты кулаков. Вскоре все в классе уже зачитывалось Джеком Лондоном, Станюковичем, Новиковым-Прибормом — любимыми писателями Илья Ивановича.

У всякого человека есть свои маленькие привады, чудачества, особенности, которые чаще всего привлекательны, у неинтересных — раздражительны. Для окружающих у Илья Ивановича было такое маленькое чудачество: когда он был в хорошем настроении, всегда мурлыкала под нос одна и та же песенка: «Море спит и берет дальний, спит на рейде корабли...» И, казалось, слегка удлинением, он постоянно пропелушничал к себе.

Во время войны на своей подмоге Илья Иванович изобрел немало морей.

— Были отчаянно трудные минуты, — оживленно рассказывал Илья Иванович, — ну, думаеть все, как-то. Однажды садилась рядом глумливая бомба, и она в двадцать секунд вылетела из подполза. Трое суток лежал на дне без воздуха, шепотом спели: «Прощайте, товарищи, все по местам...» Только спели, как вдруг начали подниматься. Вылезли, неслакомая бомба, и вот, трое суток команда боролась, спасала корабль...

Илья Иванович вообще-то любил больше довоенные военные песни: «Гы горки, красивые горы собору, тебе от роду двести лет...» «Гро красят новым цветом стены древнего Кремля...» и другие. Пожалуй, после рассказов о приключенческих песнях было его второй слабостью. Когда он вместе с классом отправлялся в субботу в поход, то до самой ночи укладывал песенники у костра. Впрочем, всевозможными играми тоже увлекался...

Илья Иванович не признавал иной дисциплины, кроме совести и долга, все же как не признавал и повиновения, основанного на страхе. По видимому, исключительно равная в нем природная деликатность в соединении с убежденностью никогда не позволяла ему насильство воле учителя, грубо навязывать свое мнение или решение.

Иногда эта деликатность шла даже во вред делу, так как он пользовался нерадивыми ребята: Илья Иванович никогда не ставил двоих за невыученный или плохо изученный урок.

«Не читай «Белые ночи», — спрашивал он с откровенным удивлением. — А напрасно. Ведь это же книга на большой с присмыком. Ей-ей. А кроме того, люди в ней удивительные... А много ты о них знаешь? Как они жили, о чем мечтали, как любили? — спрашивал. То же. А литература — это ведь, братишка, художественная история всего человечества.

Однажды, когда все в классе пригласили писать сочинение, объявил, что будет писать вместе со всеми, и вызывает класс на соревнование, и просит затем проверить его работу и коллективно поставить ему оценку. Предложение было встречено с энтузиазмом. Волнение было, разумеется, обурлаковало. Сочинения не списывались и консультировались с учителями. Илья Иванович писал на тему «Образ Семена Давыдова». После долгих споров специально избранная комиссия поставила ему четверку. Спасибо, ребята. Честное пионерское, боялся, что вы дружку влетите, — искренне радовался.

са Илья Иванович. — В следующий раз напишу лучше, а то очень волновался...

Он не помнил ни отца, ни матери, был, так сказать, без роду, без племени. В детстве броженничал, удирал из детдомов. Пугался в зарослях. Попадал в колодезь. Там и выжидал, но все жизнь море. Из тридцати пяти прожитых лет он добрую половину прослуждал на флоте. Но вскоре после войны его спасли с корабля по болезни. И тогда он окончил один курс педагогического института и пришел в школу.

Он и в самом деле был из породы несправимых романтиков. Жизнь его мила и гнула и так и так, скручивала и раскручивала, как черт мельничку, он спотыкался, падал, но упрямо вставал, пытаясь удержать тот же уровень качества, которое именуется оптимизмом, верой в жизнь. И действительно, желанное было органической чертой Илья Ивановича. Жизнеутраченный, с несчастьями, чужь косяками, как бы рабскожащими глазами, он был красив той внутренней красотой, какая свойственна людям добрым и честным. У него было довольно неказистое округлое лицо, на котором, как короткая ухаживательница, то и дело, ухмылялся истинно глумливый, а мажине, дьявольского цвета волос перелесло и спуталось на голове, как нечесаная пенка.

Илья Иванович настолько сблизился с ребятами, что некоторые считали его своим другом на равных, но без того неузнаваемого оттенка панбратства, которое иногда несколько проявлялось младше по отношению к близким старшим.

В самом конце зимы класс отправился в зимний поход, и Илья Иванович сломала ногу. Пять километров нес ее на руках Илья Иванович. А после сам едва не слег в больницу, класе тогда тогда и узнал, что у него большие легки.

В те трудные послевоенные годы многие школьники недоделали, а уж ходили, как говорится, в чем бед послал. Илья Иванович сам с трудом перебивался, но время от времени наглядно у себя дома заставлял тех, кому приходилось учиться, и в том числе, и в том числе, и в том числе, сколько для того, чтобы поддержать духом, а этого можно было, то и чуток подпортишь.

Еще осенью он отдал свое зимнее пальто Игорю Маркину, а сам всю зиму ходил в бушлате. И тогда, когда он, что пробрал отпустил, по Илья Иванович настол.

— Твой брат, братишка, был мой товарищ по оружию. Он погиб на войне, а я живу. Так вот, слава честно: чей первый долг хоть как-то помочь его сыну? Тебе ведь в школу ходить не в чем. А учиться надо... Учиться надо — вот в чем все дело, братишка...

Один за другим бежали дни. И однажды по школе пронесся слух, который навалом множество толков и крикотлов. А достяг, где Илья Иванович был классным руководителем, этот слух трогало ошеломил своей невероятностью, потряс, поверт в ушах.

Илья Иванович поддал завлечению об уходе из школы.

Рундичих идеалы, боги были повергнуты, аням, на котором написаны зовущие слова «Романтика», «Подвиг», «Мечта», закачалось, готово было упасть... Никто не знал, что предпринять, так как не было ни одного оставшегося надежды, просто невозможно. Смириться — все равно что смотреть и даже не пошевелив пальцем, когда на твоих глазах гибнет человек.

Теперь была планета перемены, которая и несамостоятельно приходила к Илье Ивановичу. Действительно, с некоторых пор Илья Иванович стал как рассечение, иногда надолго задумывался, иногда без видимой причины то слабо подпрыгивал, то хмурился. А последнее время общими все всегда молчал. Сидел за стол, подперет руками голову и хмурился. Такое состояние его поначалу как-то не заметили — не до того было, близился конец четверти. А теперь, когда пришла очередь перемены, и когда в пиноватомы в том, что Илья Иванович собрался уйти от них. Две слова «по собственному желанию» звучали как-то нелепо.

Никто по-настоящему не мог поверить в случившееся. Так же, пожалуй, поначалу не верили в смерть близкого человека. И все же, когда что-то вот-вот же станет известно, что это всего лишь недоразумение. Но шли дни, и никто не

опровергал слуха. Наоборот, стало очевидно, что все истинная правда.

Стала известна и причина. Оказывается, на каждом пелосете в совещании директор Корил и директор Илья Ивановича за то, что у него нет никакой методики за то, что он ангажирует с учителями, за то, что у него только один курс института...

Илья Иванович согласился с директором Корил и вынул из кармана, а тот, не встречая отпора, наседал на него все больше и больше. И тогда учитель пришел со словами «по собственному желанию».

Именно вот этот эпизод и выявленнее «по собственному желанию» больше всего удивительно. Выходило, что Илья Иванович согласен с тем, что он не годится быть учителем. Но это противоречило каким-то внутренним критериям добра и зла, правды и неправды. Ученики покинули учителя, потому что он не достиг своей победы, размазано и сильно начертил на листке резолюцию: «Довлетворить по истечении учебного года».

А уже после этого Илья Иванович совсем сини и стал ходить школа, как чужой: доволжно и обшью было слегка испуганно. Однако же на общешкольный диспут он пришел. Но не в штатском, как обычно, стареньком синем шевотом костюме с высокими ватыми пелачами, а в черном пальто, в котором он всегда появлялся. И незаметно устроился в уголке, но его тут же окружили мальчишки и девочки. Илья Иванович хрипелся, шутил, но по глазам было видно, что ему тяжело.

Диспут на тему «Моя идеал» был покапалетившим. На все район. К нему готовились давно. Писали докладки и содоклады; намечали вопросы и выступления; подготовили вопросы в письменном виде, предусмотрели даже вопросы с места. Все в классном, учли. Пригласили представителей район и корреспондентов.

Вначале, как и положено, были докладки и содоклады. Директор, доволный, время от времени делал замечания. Но вот в тринадцатом ряду оно и что-то интелту. Тот согласно начал глядеть лглой головой.

Потом объявили прения. Здесь произошла небольшая непредусмотренная заминка, потому что докладчик на тему «Моя идеал» не успел подняться и направился к сцене Илья Крацова.

Она говорила медленно, глухо, подбирая слова, будто горло ее перехватывала очень тугая повязка, мешавшая говорить. Но вот в тринадцатом ряду и все востроженно выткнули уши.

— Наш прежний учитель Алексеев Алексеевич говорил, что человек должен при любых обстоятельствах оставаться достойным учеником. Для этого надо совсем немножко — быть честным, искренним, справедливым. Таким я считаю нашего учителя Илья Ивановича. Будет очень обидно, если Илья Иванович уйдет из школы по собственному желанию. Мы ученики, протя этого не просим Илья Ивановича не уходить...

Круглое лицо директора школы приняло бурчачий оттенок. Как-никак Илья была лучшей ученицей школы, а Илья Иванович — лучший друг.

Вот к чему приводит ангажированность и отсутствие методик, — рассечение сказал директор.

— При чем здесь методика? — рассердился Илья. — Ставьте, пожалуйста. Мы любим его за то, что любит нас за то, что он не цинрикул, а живой, увлекающийся человек.

Диспут пошел по непредусмотренному руслу. И уже никакими усилиями исправить это было невозможно. Один за другим поднимались на сцену ученики и пролегли, чтобы они остались в школе.

Учитель молчал. Только все ниже и ниже опускался его лыльная кудлатая голова, словно он и в самом деле был в чем-то виноват.

И наконец Илья Иванович поднялся со своего места.

— Братишки... — тихо сказал он, — Братишки...

И наступила тишина.

И избрав свое выступление об уходе, товарищ директор — спокойно сказал Илья Ивановичу. — А институт у как-нибудь одолеть... Он вытер рукавом испотевший лоб. Наверное, тем же непрозрачным жестом, каким делал это в подполза, когда он всегда был в подполза. И все же, когда обо мне, — спросил он и сел на свое место.

Вот, братишки, и вся история.

Дильбар Абдурахманова

Турсунуй Абдурахманова

ЖЕНЩИНЫ УЗБЕКИСТАНА

Инобат Мамасардова

Назма Махмудова

Шаралот Хасанова

ЗЕМЛЯ,
ПРЕОБРАЖЕННАЯ
ОКТАБРЕМ

Многие столетия мир для женщины Востока был ограничен четырьмя саманными стенами ичкар — женской половины дома. Прав никаких. Законы и обычаи определяли: рабыня с рождения, вначале — отца, потом — мужа. Великий Октябрь не только провозгласил полное равенство для женщин, но и обеспечил все условия для его быстрого осуществления. Пример тому — среднеазиатские республики, в частности, Узбекистан.

Неграмотных женщин в Узбекистане нет. Более 70 тысяч женщин республики имеют высшее, 84 тысячи среднее специальное образование. Свыше 60 тысяч девушек — студентки высших и средних учебных заведений. Почти половина всех занятых в общественном производстве — женщины. Из них 17 тысяч — инженеры и техники; 30 женщин Узбекистана имеют звание доктора наук, около 900 — кандидата наук.

В депутаты Верховного Совета СССР от Узбекистана избрано 22 женщины, 141 женщина — депутат Верховного Совета Узбекской ССР, 34 640 — депутаты местных органов власти.

Особой заботой в республике окружены женщины-матери. Более 700 тысяч многодетных матерей получают государственные пособия. В детских садах и яслях воспитывается свыше 300 тысяч детей.

Наша поездка по Узбекистану началась с Ферганской долины, с совхоза, которым много лет руководит Таджикион-апа Шадиева.

Более 30 лет назад Юлиус Фучик писал о Таджикион: «В истории ее жизни — весь путь узбекской женщины. Муж с ней спал. А другие его жены ее били, пока не пришла другая, новая жена, купленная за два верблюда и восемь баранов... Такой была грязная гаремная экзотика, которая нравилась дешевым европейским писателям и трогала до слез почтенных европейских дам...» А потом?

Таджион — одна из первых узбечек, сбросивших паранджу. Таджикион была среди первых комсомолок Узбекистана. Таджикион — первая узбечка начальник политотдела МТС. Таджикион — первая женщина республики, награжденная орденами Ленина. Таджикион — первая... Многое можно рассказывать о том, где она была первой.

Ее жизнь вобрала в себя целую эпоху. Сегодня рядом с Таджикион тысячи и тысячи женщин Узбекистана, строящих счастливую, яркую, интересную жизнь на своей земле. Наш фотоочерк о пятирех из них.

Нариман ДАДАБАЕВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ТКАЧИХА

СЕГОДНЯ ЕЖЕГОДНЫЙ ВЫПУСК ПРОДУКЦИИ МАРГЕЛАНСКОГО ШЕЛКОВОГО КОМБИНАТА ПРЕВОЗОШЕЛ ВЫПУСК ВСЕХ ШЕЛКОТКАЦКИХ ФАБРИК ЦАРСКОЙ РОССИИ.

Обычно тех, кто впервые попадает сюда, ведут к небольшому саманному домику. Здесь история, прошлое — кустарная мастерская, то, с чего началась Маргеланский шелкокомбинат.

Молодая ткачиха Турсуной Абдурахманова работает в просторном, светлом цехе. Она хозяйка шести ткацких станков. Рассказывают, что не всякий на комбинате может состязаться с ней в ловкости и умении управлять сложными механизмами. Слово «работать» стало для нее синонимом слова «считать» — считать затраты сырья, электроэнергию, время. К ней приезжают учиться из Ташкента, Намангана, Коканда.

В годы войны девочка осталась сиротой. Но всегда с ней рядом были чуткие и заботливые люди. Она воспитывалась в детском доме, окончила школу ФЗО, работала запаричницей. Сейчас Турсуной — заочница вуза, член комитета комсомола комбината. Ферганская долина — долина шелка. Узбекские ткани окрашены в яркие цвета. Ткачи говорят, что они должны быть такими же радостными, как улыбки людей.

Это нелегко — суметь распределить время между работой, учебой в институте, комсомольскими делами и домом.

УЧИТЕЛЬНИЦА

ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА БЫЛО 143 ШКОЛЫ, В КОТОРЫХ ОБУЧАЛОСЬ СЕМНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЧИСЛО ШКОЛ В РЕСПУБЛИКЕ, В КОТОРЫХ ОБУЧАЕТСЯ ОКОЛО ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНОВ РЕБЯТ, ДОСТИГЛО ПОЧТИ СЕМИ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧ.

До революции в Ферганской долине тоже были школы — мактабы, которые не давали детям даже элементарных знаний. Учить же девочек-узбечку вообще считалось великим грехом. Первой советской трудовой школы в Узбекистане была открыта в Фергане. Первый учитель здешнего края Ташмухамед Карм-Низзов стал академиком АН Узбекской ССР, лауреатом Государственной премии.

— Я была в одной нашей области, — рассказывает директор 23-й школы Шараят Абдуллаевна Хасанова, — тысячи учителей. Как-то я спросила у ребят, что такое ликбез. Класс долго молчал, а потом один семиклассник ответил, что это слово иностранное.

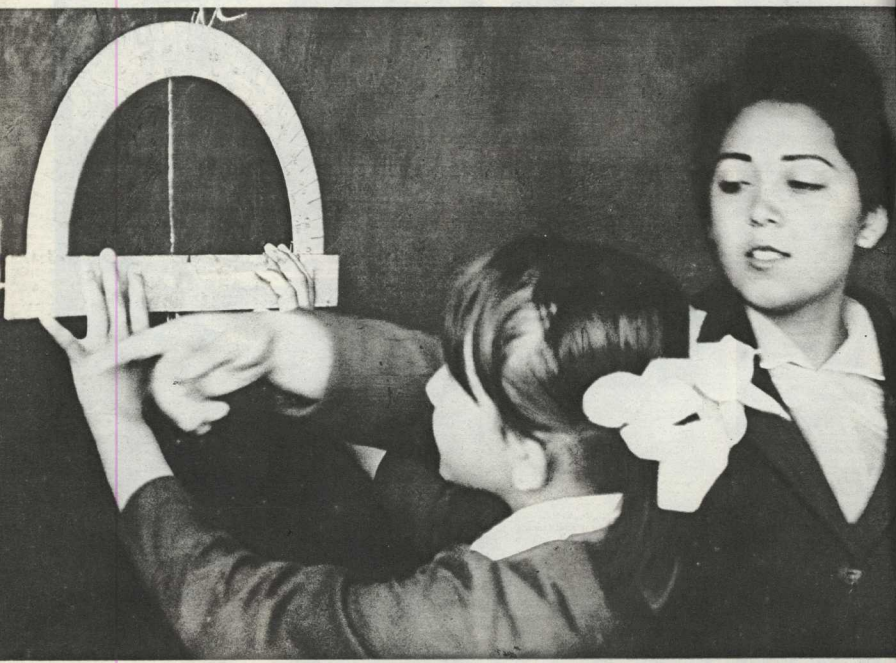
Сами Шараят Абдуллаевна окончила русское отделение физико-математического факультета педагогического института. Работала учительницей. И вот два года — директором. Комплектовала школу, руководила строительством.

Наверное, в представлении многих директор — лицо совершенно официальное. Но когда мы увидели Шараят Абдуллаевну на перемене вместе со своими учениками, убедились, что для них она прежде всего добрый друг и старший товарищ.

— Будьте веселыми и жизнелюбивыми.

— Геометрия не терпит неточности.

ДИРИЖЕР

В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УЗБЕКИСТАНЕ НЕ БЫЛО НИ ОДНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРТИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ. НЫНЕ В РЕСПУБЛИКЕ СВЫШЕ 20 ТЕАТРОВ.

В Узбекском государственном академическом театре оперы и балета имени Алишера Навои с ближайшим днем состоится балет «Крык кыз» («40 девушек»). За дирижерским пультом молодая женщина в строгом темном костюме.

Во время перерыва представилась: — Дильбар Абдурахманова.

Вот ее рассказ о себе:

— В театре я с 1957 года. С детства мечтала о сцене... Но теперь, как видите, — Дильбар смеется и показывает дирижерскую палочку. — Отец мой — певец. Правда, учиться ему в молодые годы не пришлось. Просто негде было. Я окончила Ташкентскую консерваторию. Вы были там? Наши виз недавно отметили свое тридцатилетие. Представляете, сколько певцов, музыкантов, дирижеров эмиграции из стен консерватории! Я бывала на гастролях в Москве, в Ленинграде, в столицах союзных республик и обязательно кого-нибудь из своих встречала.

Вы спрашиваете: не трудно ли? Конечно, не легко. «Аида», «Травиата», «Паяцы», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Доктор Айболит» — мои самостоятельные работы. Партитуру знаю, а выхожу и всякий раз волнуюсь, как на первом экзамене.

Короткие минуты отдыха. В затемненном зале вновь звучит голос дирижера:

— Приготовились...

В тот же день Д. Абдурахманова улетала из Ташкента: оркестр узбекского театра ждали в Душанбе.

Финал оперы.

Между спектаклями.

ХЛОПКОРОБ

ЕСЛИ В 1923 ГОДУ ПО УРОЖАЙНОСТИ ХЛОПКА УЗБЕКСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЗАНИМАЛА 7-е МЕСТО СРЕДИ ХЛОПКОСЕЮЩИХ СТРАН, ТО С 1941 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОНА ПРОЧНО УДЕРЖИВАЕТ ПЕРВОЕ МЕСТО В МИРЕ.

В государственном гербе Узбекистана вплетена хлопковая коробочка. Это не случайно. 135—140 дней, с ранней весны до поздней осени, борются люди за жизнь хлопкового куста. И нет радостней армяни, когда поля покрываются белым пухом.

Колхозники прикидывают, каким получится урожай. Инобат Махмудовна сказала:

— По 40 центнеров возьмем.

— Не ошибаетесь?

— Вмешивается бригадир:

— Инобат-хон правильно говорит.

Эту бригаду в колхозе зовут К. Турсункулова зовут девочек. Бригадиром там парень. Обижался вначале на председателя, что к девочкам направил. А когда прошлой осенью бригада вышла на первое место (35 центнеров с гектара), хлопков стало по-прежнему. Теперь и разговоры-то он начинает так: «Вот мы с девочками». Или чаще: «Спросите хоть у Инобат».

Инобат — самая молодая колхозница, всего второй год в поле. Но по старательности обошла многих. Расказывает, что пройдет еще осень, и она пойдет учиться на механика-водителя. А потом сыграть в бригаду...

Целый год хлопковый бунт хранит внутри себя тепло. Хлопководы объясняют так: это — тепло человеческих рук, востраивших его.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА

РОЖДАЕМОСТЬ В УЗБЕКСТАНЕ В РАСЧЕТЕ НА ТЫСЯЧУ ЧЕЛОВЕК В 1,7 РАЗА ВЫШЕ, ЧЕМ В США, В 2 РАЗА ВЫШЕ, ЧЕМ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ. СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПОДНЯЛАСЬ С 30 ЛЕТ ДО 70.

Эти цифры комментирует Наима Махмудовна Махмудова.

— Вначале тоже несколько цифр. В 1913 году в Узбекистане было 64 больницы и немногим более ста врачей. Советской власти в Узбекской ССР полностью ликвидированы такие распространенные болезни, как холера, малярия, клещевой тиф, оспа, амёбная дизентерия, трахима. Сейчас основная задача медицины — санитарно-профилактическая работа. В республике сотни санаториев, домов отдыха, летних детских оздоровительных лагерей. Хорошая постановка медицинской обслуживания, растущий уровень жизни людей и велились причинами высокой рождаемости и малой смертности в нашей республике.

Несколько слов о самой Наиме Махмудовне. Она заместитель министра здравоохранения Узбекистана. Хорезм и Самарканд, Бухара и Термиз, чабанская юрта, палатка геолога, научно-исследовательский институт, медицинское училище — вот далеко не полный перечень ее маршрутов. Немало времени занимает у Н. М. Махмудовой общественная работа. Она член Ташкентского городского комитета партии, член Узбекского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

«Перекур».

Трудовой день.

Воскресенье.

Совещание у заместителя министра.

первых неудач, потерях, о том, как вывели своих солдат из окружения — должно слушать часами. События двадцатипятилетней давности словно придигаются вплотную, язык генерала — свободный, образный и точный — воскрешает лица, звуки, краски, заражает волнением рассказчика.

— Живу в первом. Бой Александр Чалаев, только что назначенному командиром дивизиона — понадобился вся его выдержка и кладнокровие, чтобы выстоять против натиска врага. А дело было на вторую неделю войны.

— Выступили мы недалеко от Новала. Там мидл командир полка майор Военцов, ныне генерал-майор артиллерии в запасе. Вручил мне прямо на ходу карту и говорит: «Идти Горodka на Новала идти немецкие танки. Одну батарею поставь здесь, в местечке Лобок. Там два озера и меж ними шоссеяная дорога, ее надо закрыть. Вторую батарею вот тут, а третью смотри сам, где успеешь». Двою команду: «Заводи!» И вот загремели мы наоструэю этим танкам. Глав, как пожарная команда. Над головами висела немецкая авиация. Бомбила. На наших машинах загорались. Бовриплись. Сбрасывали горевшие ящики на погоню коду.

Долетели мы до местечка Лобок, стали ставить батарею. В это время подлезает легковая машина, выходит командующий Западным фронтом генерал-лейтенант Еренково. Громко спрашивает: «Где батарея?» Я ему отвечаю, что здесь могут быть шершты, так как до меня здесь уже стояли зенитчики, а мне нужно было поставить батарею и ехать дальше. Но никто ему не ответил, тогда я вижу, что никто не подходит к генералу.

— Молодец!

Пять дней шли бой под Городком. Между партизанами, тогда мы в первый раз встретились с сыном Александра Пархоменко, героя гражданской войны. Интересно получилось...

— Да, тут вот пять дней бились, а потом ушли, что? Не было у нас а тылу еще люди. Двинулись, всей дивизией на Валиево Луки. Неполностью охвати немецкие танки, пехота стала уходить по бездорожью, а наш дивизион остался, приняв удар. Несколько танков подбили, но и нас четыре орудия было уничтожено. Выжда удобный момент, начали и мы выбираться к своим.

— Вот когда хватили горя! Сказан никакой. Пехота, отступая, уничтожала мосты. Танки подошли, и какой-нибудь речушечка, а перебрали уже мост. Наводи ее и снова разрушая за собой! А тут немецкие мотоциклисты шныряют, насканивают на хвост колонны, отбирают из пулеметов.

— По дороге дивизион обратились подальше, а там присоединились отбывавшие от своих частей солдаты. Сколько их набралось — это только на кухне знали. Шли так почти неделю. Потом кончились горюче-запасные материалы, мы технику в чашу, слили остатки по всем машинам, чтобы заправить одну, и послали ее найти чащу и привезти горюче. Спроси дня. На четвертый решили уничтожить технику. Но офицер, которого послали, был молодец, устроил так, что вскоре присоединились мы к своему полку.

— Ну, казалось, теперь все позади. Долгожи я о всех наших делах, а меня вдруг и спрашивают: «Как же вы в первый раз выжили немцы?»

— Я прямо спелась.

— Да они же, — говорю, — уничтожены в бою!

— А доказательств?

— Чего угодно я ожидал, только не этого. Так и просидели на взлет: «Что же мне, у немцев было справки брать!» Эле сдержался, честное слово.

— Так трудно и сложно — как для многих тогда — начиналась для капитана Чалаева война. Он вел ее до конца, до последнего дня на выходе из боя.

Дивизион отступал, наступал, сражался, попадал в окружение, прорывался через минные поля, горюче-запасные материалы, ег, ег, ег, как пасть на пробы, — чтобы прикрыть прорыв или отход других частей. И он никогда не сдавался, выдерживал, выставлял, прикрывал собой. Пока не приспела пора наступать и победить.

— После боя под Москвой Чалаев стал командиром истребительно-противотанкового полка. Зимой 1943 года полк участвовал в прорыве обороны немцев под Воронежем, где в течение полутора дней до конца линия фронта оставалась неизменной. И здесь он участвовал в одном очень важном бою под Чалаевом. Но однажды частям, в состав которых входил полк Чалаева, было дано задание прорваться в тыл противника на несколько десятков километров. Надо было выйти Миннеденци, отрезав немцам путь из Воронежа.

— На подступах и Миннеденци, — рассказывал Александр Васильевич, — захватили мы деревню Першино. Там было в город Дранск. Вся ночь, а на рассвете подошли с тыла отступающие немецкие войска. Теперь противник был с двух сторон. В бой пошли все — до телефонистов, до артиллерии, до истребителей, до артиллерии противной наводной. Бьем. Бьем, а немцы бумажно влом валет да все быстрее и быстрее, ругаются вперед, хоят в то бы то стало пробьются.

П. РОГОЗИНСКИЙ

Есть люди, которые уже при жизни становятся волюющей легендой. Есть имена, одно звук которых мгновенно воскрешает в душе целую эпоху с ее неповторимым обликом, романтикой и героизмом.

Обычно такая личность, такого имени распространяется и на потомков, и нам всегда остро интересно: а живы ли сыновья или внуки гениального в свое время человека? Кто они? Чем заняты в наши дни?

Я хочу вас познакомить с одним из «потомков» — Александром Васильевичем Чалаевым, сыном того самого Чалая, а которого с участием играет до сих пор ребята.

В квартире Александра Васильевича Чалаева обстановка простая. Тихо. Окна выходят во двор, и сюда лишь робким шепотом доносится голос неутомимых московских мальчишек.

На стене — большая фотография отца. Взгляд у Чалая острый, внимательный и удивительно добрый. Энергичный поворот головы, чуть замолненные назад плечи, солдатская гимнастерка, знаменитые чалевские усы.

Александр Васильевич усов не носит, на погонах его — генеральские звездочки, но когда он улыбается или хмурится, разговоривается или молча что-то вспоминает, нельзя отделаться от впечатления, что портрет командира оживает. У него было грустное лицо и выразительные глаза точного принца, та же пружинная собранность.

Мы сидим и беседуем — невольно о прошлом... В роду Чалаевых не споконной жила и умирали, а боролась и погибали. С братом Чалаем, Андреем, царские палачи расправились еще в революцию 1905 года. Другой брат, Григорий, коммунист и военный комиссар, был зверски убит во время белогвардейского мятежа. Мы знаем, как погиб сам легендарный командир. У него было два сына. И младший — летчик Аркадий Чалаев — тоже погиб. Как принято прощически говорить, «при исполнении служебных обязанностей...» Но героический дух семьи живет, живет, широко воплощенный в генерале Чалаеве, нашем современнике.

Александр Васильевич начал войну командиром дивизиона противотанковых орудий. Когда он рассказывает о первых месяцах боевой науки, о

рапу, бросал заниматься батареей, подбегал и доложил:

— Командир дивизиона капитан Чалаев.

— Что вы тут делаете!

— Стал батарею.

— Ерунда, в Городке наш. Приказываю снять батарею, двигаться немедленно в Городок и организовать там оборону.

— Раз такое дело, мы поехали дальше. Опять горим, а вокруг — ни души. Ни военных, ни гражданских. Почему не поворачивать мне такая обстановка. Наконец под самым Городком гляжу — бегут мальчишки. Ну, эти, думаю, все знают. Я пригласившись и к ребятам:

— Немцев не было здесь!

— Недавно, — говорят, — уехали. Von нашего председателя убили и вернулись в Городок.

— Да разве в Городке немцы?

— Ии-и, — говорят, — битком набито!

— Тогда я один подполз к ним поближе. Смотрю, на окраине города — танк. Вижу, немецкий. И стоит он, видно, в охране. Развернул перед Городком дивизион и занял боевой порядок. Пока немцы не шли, мы маскировали позиции, окопывались. В то время подыхала еще один начальник и приказывал атаковать Городок силами артиллеристов. Приказ этот приказ — оставили. У орудий по два-три человека, а сами пошли в атаку. Ничего, ничего, не вышло. Не такие требовались силы и не такие было в то время немцы, чтобы сдаться, города.

Через сутки стали подходить подразделения 214-й стрелковой дивизии. Первый же батальон до подхода других был брошен в бой за Городком.

— Мне было приказано поддержать атаку пехоты огнем орудий прямой наводной. Результат был тот же, что и у артиллеристов.

— Немцы, видя нашу несостоятельность наступать, двинулись к своим. Сверху капала и начала обрабатывать наши боевые порядки авиация, одновременно заработала немецкая артиллерия, а затем, громахья гусеницами, двинулись танки.

— Как только танки вступили в подкову наших позиций, мы с обоях флангов ударили по бортам. Подбили головные машины, на шоссе образовалась пробка. Но немцы продолжали лезть впе-

Им оставалось до наших позиций метров 300, ну, от силы 500. Еще несколько минут — и могли вернуться на огневые позиции. А вконец, быстрое и намы, никак не заводятся из-за дикого мороза и снега. Наконец одна машина завелась и ахнула в самую гущу. Следом загорились остальные. Эффект, слава в вам, был поразительный. Немцы разом, как по команде, побросали оружие и подняли руки. Так и шли на нас — только уже с поднятыми руками...

Сдавшихся немцев было столько, что Александр Васильевич после первой радости опорохтел: «Ведь когда они придут в себя, голыми руками нас передудут!» Выручила чисто чалаевская сметка. «Зягоня из я сарай!» — скомандовал Александр Васильевич. — Тогда они их черта не разберут, сколько тут их, а сколько наших! И все сарай этой большой деревни битком набили немцами.

— Да-а, улыбаются генерал... — начнешь рассказывать, и конца не видно... Вот, например, позже у меня в артиллерийской бригаде бывших чалаевцев служило 8 человек. И до того это был боевой, хозяйственный, крепкий народ — прямо заглазены! Я их всегда в пример ставил. В 1919 году, после смерти отца, они нас — чалаевских детей — из виду не выпускали, помогали, заботились. Со мною я переплывалось и по сию пору. Ведь столько перенесли вместе. И, главное, связывает память об отце. Разве забудешь!..

Александр Васильевич задумывается. Что встает перед его мысленным взором? Может быть, тот дом на берегу Иртыза, где брато детство, где, бывало, с крыльчца он с братом и сестрой вглядывался в заречные дали, поджидая отца? Редко

удавалось Чалаев взглянуть домой, но зато какая это была радость ребятам! Отец привозил подарки, рассказывал быль и небылки, мастерила игрушки, а Саше (моему нынешнему собеседнику) прилаживал усы, надевал папашу и посылался, довольный, что сын похож на него.

А может быть, вспоминается Александр Васильевичу его поездка по родным местам, по маршрутам Чалаевской дивизии?

Поездка эта была особенно волнующей. Боевыми дорогами отход, как бы причащаться и их подвигу, прошли сегодняшние комсомолцы. И в местах, ставших легендарными, произошла их встреча с А. В. Чалаевым.

...Возобновляя разговор, Александр Васильевич словно возвращается откуда-то очень издалека.

— Эх, каким отцом плотником был! — неомиданно говорит он. — Избы рубил с кружевными наличниками, ворота ставил с затейливыми косяками. Не мастер — художник. Между прочим, я сам, меньше чем собрался стать военным, я ведь по профессии-то агроном. Жизнь заставила переучиваться... Да и сейчас все время приходится учиться. Техника вон как шагает. И за нашей и за иностранной литературой надо следить.

— И много ли...

— Я не успеваю закончить фразу, как Александр Васильевич уже достает пачку военно-технических журналов. Таковую мгновенную реакцию мне доводилось наблюдать только у Юрия Гагарина.

Александр Васильевич скрывает мысль собеседника с полуслова.

Что генералу Чалаеву приходится учиться, — не удивительно. Он крупный военачальник. Удив-

ительно другое — как он на многих находит время, помимо своих основных обязанностей. Вот начинает вдруг рассказывать, как проводят летние каникулы школьники города Жуковского.

— Старшеклассники работают в окрестных колхозах и совхозах, а потом устраивают походы и военные игры. Тут все азгравду: номенки в палатках, доводствие из полевых кухонь, разведка, засады. Природа в тех местах чудесная, полная чисто русской красоты. А на берегу Москвы-реки есть холм, где, по преданию, оставался Кутузов, когда гнал Наполеона. Ребята там устраивают наблюдательный пост.

— Откуда вы все это знаете! — удивляюсь я. — Видите ли, — с коротким смехом признается генерал, — я у них там участвую в качестве консультанта.

Легко представить себе, как интересны для ребят игры с таким консультантом!

На прощание спрашиваю Александра Васильевича о его собственных детях.

— Два сына и дочь, — отвечает он. — Все уже вышли на свою дорогу. Татьяна учится, хочет стать художником-модельером. У Аркадия специальность для нашей семьи невозможно... неомиданная: будет инженером. А старший, Валентин, — офицер Советской Армии, подполковник.

Уходя, снова смотрю на портрет комдива. Он провожает меня все тем же острым, веселым и добрым взглядом, зовущим в ходы доблести и славы.

Этот снимок хранится в личном архиве Екатерины Федоровны Ильиной, персональной пенсионерки, участницы гражданской войны.

Через год этой фотографии будет пятьдесят лет, — рассказывает Екатерина Федоровна. — Самый ужас, но верится, что крайняя слева — я. Так давно все это было. В тот день, когда был сделан снимок, я переживала красное кривошею Сергея Васильевича Хохлова, а мой муж — врач Николай Васильевич Немнов —

битовал голову номерному бригаду Василию Ивановичу Чалаеву. Решили на память сфотографироваться с легендарным Чалаевым.

Как я попала и нему в бригаду? Гражданскую войну начала на врачебно-санитарном поезде имени Карла Лининиста, и летом 18-го года мы прибыли в Самару. А там бой, вот-вот город должны занять отряды мленинского чехословацкого корпуса. Поезд пришлое оставить, и я оказалась в рабочей отряде Самары, кото-

рым командовал Хохлов. Потом отряд вошел в чалаевскую бригаду.

Госпиталь Чалаев наведывал часто. Приходил проводить своих равных номерных, приезжал и его для лечения. Раненые моего госпиталя о нем, и мы, врачи, всегда с интересом присматривались к номеру. Держался он просто и уверенно, приходил в простом фраче. Приносил табачные носонеры, распрощавшая нас о здоровье болящих.

Канто, пользуясь случаем,

и помядалась Чалаеву, что медленню завуизируют тифлопораненных, номерки намурились, долго смотрел на носки своих сапог, потом пообщал: «Сделайте!» И на другой же день вывели два вагона.

Последний раз я увидела Василия Ивановича в 1919 году, после взятия Уфы, — он опять был ранен в голову. Вскоре основные силы дивизии ушли к Уральску, а наш отряд выполнял другое задание. Через три месяца я узнала о гибели Чалаева.

УДАЧА ХУДИЩИ

нином улочки старого города. На площади, почти рядом с миттой Курор, в небольшой четырехэтажном здании находится республиканский Дом народного творчества, а на противоположной стороне — старинный замок Мехта. К. приходит в студию, начинающие художники встречаются с историей своего народа.

В 1959 году бывший ученик Дома народного творчества — членский Гурам Габушвили, уже окончивший в то время Академию художеств, отправился в путешествие по республике, это была не праздная поездка, а поиски талантливых художников-самоучек, открытые народных мастеров.

На выставке в махетинском городе Телав Гурам увидел работы Диемала Хучишвили. Они сразу обратили на себя внимание. В пейзажах молодого автора талантливого художника чувствовалась «какая-то мощь», еще не расширившая до конца свое ощущение неуверенное чувство цвета, молодости.

С самим автором работ Габушвили тогда не встретился, но несколько габешвианцев отобрал для республиканской выставки самодельных художников, которая со-

стоялась в Тбилиси в том же 1959 году. Через несколько месяцев после этого Диемал Хучишвили приехал в Тбилиси и привнес в Дом творчества новую прелесть. А скоро совсем переехал в столицу. Здесь он устроился на завод собственным рабочим и все свободное время писал картины. В 1961 году на Всесоюзной выставке художников-самоучек в Москве Хучишвили был награжден дипломом. Капалось, что дальнейший путь его несли и безблачен — повышать мастерство, поступать в академию и работать, работать, работать. Но случилось неожиданное. После возвращения с московской выставки Диемал Хучишвили в течение двух лет не написал практически ни одной картины. И можно было подумать, что виноваты, прискри перестали его интересовали. На самом деле все было, конечно, не так. Просто и Диемалу Хучишвили, как во всякому одиночному художнику, пришли сомнения. Собственно, талантливо перестало его удовлетворять, ему хотелось сделать что-то действительно, а обдумывая, смотря, часами. Боролся он острошестью Тбилиси и по возможности. Через два года Диемал Хучишвили, уже бо-

лее требовательный и себе, вновь появился в Доме народного творчества. В его картинах всегда ощущалась величина Пиромсани, да эти последние два года он многому научился и у других выдающихся грузинских художников — Давида Какабадзе, Ладо Гудагшвили, Елены Ахвледиани. Год назад в Москве, в Центральном доме работников искусств, открылась персональная выставка Диемала Хучишвили. Она имела такой успех, что ее затем экспонировали в Музеи искусства народов Востока. На нынешнюю выставку в журнале «Смеяла» художник представил много новых произведений. В его картинах стало проникновенного мастерства и столько аюуса, такое сочетание интеллигентности и ищущего напряженного темперамента, что даже трудно поверить в то, что создал их художник-самоучка.

В них ощущалось дыхание Грузии, здесь присутствовала сама она — древняя, мудрая и благородная. Грузия открывалась не традиционными яркими показом вздымающихся вон Черного моря на фоне горных горных вершин, не натюрмортов, на которых щедро рассыпаны виноградные кисти, сочные грозди и солнечные желтые маджарины, но в самой

изначальной сути своей. Художник сумел уловить душу народа, специфику его жизни. Картины Диемала Хучишвили несут в себе нечто вечной жизни народа, который бесстрашен в своем трудолюбии, в жизнерадостности, а меланхолично творить добро.

В книге отзывов о выставке в Хучишвили есть такая запись: «Дорогой Диемал! Огромное спасибо за Ваши таланты, за Ваши картины. В них чувствуется что-то вечное, народное. Не всякому дано так глубоко, убедительно и страстно раскрыть душу родины и сердце своего народа. То, что Вы делаете, это прекрасно. И написаны Ваши картины на высоком, профессиональном уровне. Хотелось бы еще раз встретиться с Вами».

К этому пожеланию могут присоединиться все любители живописи.

Майя МУРАВНИК

«ПЕСНЯ»

ЯШИН ЕСТЬ ЯШИН

Это было в 1966 году. В те летние дни сборная СССР готовилась к ответной встрече розыгрыша Кубка Европы с футболистами Италии. В Москве их выжидали 2: 0. Но это была победа на своем поле, перед своими болельщиками. К тому же тостей пошел левый крайний Паскути. Оuard Дубенский не слишком коротко с ним обошелся, за что и был наказан штрафным ударом. Тераментному южанину этого показало мало, и он ударил защитника руки Арброт немедленными выдворил Паскути с поля.

Теперь предстояло сыграть со «Скудрой азуррой» на ее поле, перед трибунами, заполненными суровой толпой экзальтированных итальянских болельщиков — «тифозов».

А несколькими днями раньше в Лондоне дождя был состоялся «Матч века». Родоначальники футбола — англичане — праздновали столетие официального признания популярной игры и организовали встречу, в которой против англий-

ской сборной пригласили сыграть сборную, составленную из самых знаменитых футболистов мира. От СССР в «Команду звезд» был приглашен армянин сборной СССР и московского «Динамо» Лев Яшин.

Но не отразил ли участие Яшина в «матче-спектакле» на его игре против сборной Италии в матче-реванше? На этот вопрос должен был ответить старший тренер сборной СССР Константин Иванович Бесков.

— Ну что Яшин едет в Лондон, — решил прогнать Диемал, — все равно в матче-реванше с итальянцами мы рассчитываем на Рамвазу Урушадзе.

И Яшин полетел в Англию. Раз такое дело, надо телевидение и радио решили транслировать игру. Комментарий «Матч века» поручили мне.

Несколько и помахал на аэродром и вылетел первым же самолетом, стартовавшим из Москвы в Венаду Европу. Это был парижский рейс. Мои коллеги дали язык кор-

см. 4-ю обложку

репортерству советского радио Анатолию Штатнову, и тот ждал меня с машиной, чтобы мгновенно перебраться с аэродрома Орли на аэродром Бурже, к самолету, летящему в Лондон.

По расчетам, я должен был прилететь в английскую столицу за три-четыре часа до начала игры. Маловато времени оставалось, чтобы подготовиться к трансляции столь насыщенного «внезапными» составными, но я надеялся, что опыт в этом трудном случае выручит.

И вот, когда мы уже пролетели государственную границу, в салоне появляется stewardесса и, как обычно, с милой улыбкой объявляет: «Парик закрыт облаками. Нам не примывают. Будем садиться в Брюссель». Для других пассажиров это была всего-навсего (для никогда не бывавших в столице Бельгии даже приятная) задержка в пути. А для меня — катастрофа.

Я бросился к пилотам, Экипажи был советский и, на счастье, состоял из любителей футбола. Радост тут же свалился с Брюсселем: есть ли самолет на Лондон?

«Рейс на Лондон сегодня уже лет. Но такой самолет через час стартует из Амстердама, садитесь

там», — не оставил нас без совета диспетчер бросовельского аэропорта.

«Доброе» получено — летим в Амстердам. И опять «но»: на самолет, отлетающий из Амстердама в Лондон, все билеты проданы.

Кажется, крут замкнулся. Столько хлопот, столько переживаний, и все напрасно. И-то согласен лететь без места, согласен завестись в багажном отделении. К сожалению, на международных авиалиниях это не принято.

Положение спас командир корабля. Он связался с шеф-пилотом голландского самолета, отлетающего в Лондон. Командир с командиром всегда найдут общий язык. «Все, о'кей», — сказал мне летчик. — Экипаж берет вас к себе.

Через несколько минут после посадки нашего лайнера в Амстердаме голландский самолет уже рулил на старт, имея на борту лишнего пассажира — советского спортивного комментатора.

Время в тот день таяло, как последний клочок шугареной кожи». Когда мы приземлились в Лондоне, до начала матча оставалось едва ли полчаса. В аэропорту меня ждала «подстава» — наш корреспондент Генрих Трофименко с маши-

ной. И мы помчались на «Уэмбли».

А в Москве — на радио и телевидении — волнение в эти минуты достигло апогея. Уже миновали три часа, комментатор «по плану» должен быть на месте и дать о себе знать. Но Лондон молчит. Значит, что-то случилось. Передача, которую ждуть по крайней мере 100 миллионов любителей спорта, срывается. Отменить или еще подождать?

В этот момент восточным другом показал себя мой коллега и начальник — авиационный спортивный редактор всесоюзного радио Шаммаль Николаевич Мелик-Шаваев. «Подождем отменить», — настаивал он, — если только Озеров жив, он повиснет у микрофона». За такие слова можно простить и равному на «летучка» и десетки, как всегда кажется, «незаслуженных» обид со стороны начальства.

За десять минут до начала матча, проделав последний километр пути бетом: все подельцы и «Уэмбли» были забиты автомобилями, — я выехал на стадион.

Репортаж, как вы знаете, состоялся. Лева творил чудеса и покорил своим мастерством буквально весь мир!

А потом была игра с Италией. И

ее итог известен — ничья — 1 : 1. И опять выше всяких похвал играл Йиши. «Сам» Мадзола не забил ему пенальти!

Когда знаменитого итальянского форварда спросили: «Почему так случилось?» — он ответил, как и подобает настоящему спортсмену, с достоинством и ясно: «Просто Йиши играет в футбол лучше меня».

Да, я не сказал, за полчаса до начала игры с итальянцами Бесков изменял свое решение, и в воротах стоял не начавший восстанавливаться утра молодой Урушадзе, а великий Йиши.

Своим соотечественникам — итальянским журналистам — тренер «Скуадры адзурры» Эдмондо Фаббри сказал после матча: «Мы должны были выиграть! Должны были забить три или четыре мяча. Мои ребята никогда раньше не играли так здорово, как сегодня. Но все карты спутал советский вратарь. Хотел бы я сейчас поглядеть на Бескова, если бы в воротах его команды не стоял Йиши».

Нет, все-таки не зря я пробивался в Лондон.

Николай ОЗЕРОВ,
заслуженный артист РСФСР,
заслуженный мастер спорта

Очень много лет назад, 6 июля 1963 года, в знаменитом сейчас письме, содержащем формулировку теории общественного воспроизводства, Маркс писал Энгельсу:

«Мне теперь по необходимости приходится по 10 часам в день заниматься политической экономией... В свободное время занимаюсь дифференциальным и интегральным исчислением. Разумеется, в этом пристальном внимании к высшей математике не было никакой прямой необходимости: в «книжки» не было ни предельных, ни интегралов. Скорее, тут было интуитивное предвидение, что «математический образ мысли» сделается со временем необходимым орудием экономиста.

Сейчас это время пришло. Оно не могло наступить раньше. Нужен был длительный труд поколений ученых, чтобы собрать то громадное количество фактов, которое обаяло лежать в основании любой математической теории. И сама математика должна была достичь уровня, на котором основные понятия и отношения экономической науки можно переводить на язык цифр и формул.

Трудное это занятие — математизация целой науки с многовековыми традициями, с установленными методами работы, со своими критериями истинности и полезности. То, что переживает сейчас экономика, в свое время было так же остро пережито другими науками, которые уже с давних пор носят титул точных. Так случилось с астрономией, механикой, физикой.

Сейчас кажется сама собой разумеющимся, что физика немалыми была математическими аппаратами. Но иначе такое установилось далеко не сразу. «То странному стечению обстоятельств, учение о цвете оказалось вовлеченным в царство математики, представлено его суду, тогда как оно тогда не относилось», — утверждал Вольфганг Йоганн в 1810 году (заметьте, что он был не только автором «Фауста», но и многих естественных научных трудов). В 1837 году читали «Русского инвалида» могли послушать со статьи профессора физики Московского университета М. Г. Павлова, как женщины с интересом слушали молодой Герцен. Статья называлась «О неуместности математики в физике». Все это писалось и печаталось примерно через 100 лет после смерти Ньютона, создавшего математическую теорию цветов и классическую механику, которую теперь учат школьники.

Подобная картина наблюдалась еще совсем недавно в современной экономической науке, когда люди крайних взглядов вполне были способны поддаться под юг стейки, которую можно было бы назвать примерно так: «О неуместности математики в экономике...». Но времена меняются быстро. Сегодня столь беспромысловых суждений уже не услышишь. Опровержение часто скрывается за формулой: «Вы ложитесь в открытую веревку». Эта самая математика... доказывает опровергать... применяется в экономике уже сотни лет. Открытой вполне сочинение экономиста, того же Адама Смита. Разве там нет цифр, таблиц? Математика всегда была одним из исследовательских орудий экономических исследований. И совершенно неважно, что внешний вид этих орудий стал иным. Не считы, а электронные машины, не алгоритм, а системы дифференциальных уравнений. Но разве симуляторы и компьютеры вызвали изобретение пишущей машинки или авторучки? Впрочем, это вроде бы подкупавшая мысль: времена бы разбиты еще тогда, когда полнейшего опровержения математической экономики еще не было на свете.

Экономист, оперирующий цифрами или формулами, не должен забывать, что предмет его занятий — математическая экономика. «Цифровик» — это еще не математик.

Математическая экономика — это нечто иное. Это образ мысли, неизвестный прежним временам и разве в экономике не встречавшийся.

Доступно это понятие в той стране, где уже есть нефтепромыслы, удовлетворяющие потребности хозяизата, хотят построить новые, причем затраты на добычу горючего здесь будут много выше. Сейчас стоишь в районе, где строится новый комбинат, и видишь, как по дороге вывозят уголь. Ответ классического экономиста: «Очень дорого». Ответ математика: «Ничего не стоит». Почему? Горючее с такого промысла не обходится никакой ценостью, потому что оно никому не нужно, а потому что содержание этого предприятия есть лишь видимость деятельности, абсолютно бесполезной для общества в целом. И если всякая цена на горючее вообще будет автоматически выливаться в жизнь любого предприятия, то «цена», поставленная экономистами-математиками, столь же автоматически воспринимается и появлению на свет.

Не правда ли, на первый взгляд ответ классиков казался так понятен! Зато парадоксальный с виду ответ математиков верен.

В 1938 году Институту математики и механики Ленинградского университета Фаберштейн трест предложил решить задачу, касающуюся рациональной загрузки демосушаробратывающих станков. Эта задача была решена выдающимся советским математиком, ныне академиком, лауреатом Ленинской премии Леонидом Витальевичем Канторовичем. Для достижения поставленной цели им был создан особый математический метод, который сейчас носит название теории линейного программирования. Для нас в данном случае неважно, как это все сказало на судьбе именно Фаберштейн треста. Куда важнее другое: теория Канторовича оказалась применимой для решения целого ряда самых разнообразных экономических задач: рационального расписания тканей, экономического размещения станков в цехе, оптимальной организации перевозок пассажиров и грузов и т. д.

Потом от этих частных задач Канторович перешел к разработке более общей проблемы: проблеме организации производства в целом, проблема составления оптимального плана. В 1939 году вышла его монография «Методы организации и планирования производства».

(Между прочим, когда мы садимся в такси, мы попадаем в область практического применения теории Канторовича. Это по его предложению несколько лет назад тарифы на такси были значительно снижены и в то же время доходность таксомоторных перков повисла.)

Возможны разные способы организации производства: плохие, хорошие и один — самый лучший. Есть и разные — удачные или малоудачные — варианты народнохозяйственного плана. Можно их оценить эти варианты количественно, поставить им «отметки» и затем выбрать самый удачный в данных условиях, оптимальный образ действий? В книге Канторовича не только показана разрешимость этой задачи, но и даны совершенно однозначные методы ее решения.

«Путник идет из города А в город Б. Как он должен быть одет, этот путник? Кто он стает в путь? Хватит ли у него сил? Пропустит ли его в городе В? Подобные вопросы казались всегда неподдающимися математике. Но именно они составляют предмет занятий математиков-экономистов. Оптимальные размеры горючего, правильное использование рабочей силы и рациональное планирование общественного питания — это не просто задачи, которые должны быть решены, это задачи, частично уже решенные математиком в Ленинской, ожидающие своего внедрения в практику.

Примерно в то же время, когда Канторович создавал свою теорию, точнее говоря, в 1938 году, в американском городке Принстоне, где размещается Институт высшей математики, произошла одна знаменательная беседа.

Беседовал Дюан фон Нейман, профессор математики из Будапешта, и Оскар Morgenштерн, эконоист профессор Банковского университета.

Незадолго до своего отъезда из Австрии Morgenштерн прочитал статью фон Неймана, которая глубоко его заинтересовала. Статья эта была написана в 1928 году и содержала основы новой математической теории, которая позже называлась теорией стратегических игр. Оскар Morgenштерн первым увидел в этой работе не просто логическое построение математики, а важнейшее средство для решения задач, которыми он занимался уже много лет.

В 1928 году Morgenштерн опубликовал книгу об экономических прогнозах, в которой он впервые попытается установить связь между стратегией и экономикой. И читателю должно быть понятно то возбуждение, которое испытал Morgenштерн, читая статью Неймана о теории стратегических игр. Он увидел, что основы той математического аппарата, который он искал десять лет, уже существуют. Вполне естественно, что одним из первых прinstonских знакомств Morgenштерна и было знакомство с Дюаном фон Нейманом.

Между учеными с первого начала установилось редкое взаимопонимание. Сначала они, объединив свои усилия, решили написать статью для журнала «Экономика», потом Нейман предложил расширить эту статью и сделать небольшую монографию. Однако как говорил Morgenштерн: «Работа стала буквально рухнуть у нас под руками. Так, навывисши с проекта журнальной статьи, дело кончилось несопоставляющим трудом «теория игр и экономическое поведение», который вышел в свет в 1944 году.

Вскоре обнаружилось, что метод теории игр Неймана—Morgenштерна и метод линейного программирования Канторовича, созданные совершенно независимо, тесно связаны друг с другом. Не является ли это свидетельством их истинности!

Но в этом совпадении есть еще одна, nämlich парадоксальная сторона. В самом деле, методы школы Канторовича и методы Неймана—Morgenштерна описывают совершенно различные системы экономики, два разных способа производства. Какая же может быть между ними связь? Но, как известно, в экономике наряду с законами, справедливыми лишь для данной формации, действуют и общие законы, справедливые для ряда формаций. Таковы, в первую очередь, закон обязательного соответствия производственных отношений уровню производительных сил, закон стоимости, закон товарно-денежного обращения. Поэтому всякая экономика представляет экономическую науку (в математическом смысле) является как раз тактовой перестройкой на первых порах как не касается специфических черт того либо другого способа производства.

В разное время и в разных странах становится заметной поздне, когда метод наконец применяется к решению конкретных проблем. (Кстати, это различие уже сегодня ощущено достаточно хорошо. Разговаривая с профессором Morgenштерном, я задавал такой вопрос: «Если бы вышняя экономическая теория была создана в 1928 году, оказала бы она влияние на ход экономического кризиса?» Оскар Morgenштерн ответил так: «Нет, она теория не решает, она лишь указывает на то, что не надо делать рекомендаций в масштабе государства.») Между тем вводная сейчас в Советском Союзе система оптовых цен по многим, согласуется с рекомендациями теории Канторовича.

И что знаю, задумывались ли вы над тем, что профессия экономиста — одна из самых жестоких. Физик всегда может проверить свои идеи в опытах над живой природой: у ботаника под руками сколько угодно растений, медик, прежде чем лечить, испытывает действие своего препарата на подопытных животных, наконец, на себе. Все это экономист не имеет. У него всегда был один-единственный объект эксперимента — его собственное существование. С появлением математической экономики положение коренным образом изменилось. Работа математика завершается тем, что он создает модель изучаемого явления, модель, отражающую самые существенные его черты настолько точно, что, пользуясь ею, можно воспроизвести само явление.

К примеру, математическая модель полета настолько хорошо описывает реальность, что теперь, прежде чем строить и испытывать летательный аппарат, испытывают его математическое описание, заложив в память электронной машины. Математический образ воздушных потоков треплет математический образ самолета; описание его конструкции подтверждается довольно со стороны описанием перегрузок. И притом, не выдерживая подобных испытаний, не имеет никаких шансов материализоваться.

Так вот, математизация экономики как раз и привела к появлению моделей экономических процессов, распределению, обмену, расширенному воспроизводству. Таким образом, впервые в истории в руках экономиста оказался подходящий объект для экспериментирования: не живые люди, не благосостояние страны, не процесс труда, а лишь достаточный точный образ чего-то, — как теперь в ходу фраза «экономический эксперимент». Но, произнося ее, нужно иметь в виду, что это вовсе не лабораторный опыт в обычном смысле слова, что изменения, производимые в жизни отдельных рабочих коллективов, могут быть предварительно проверены на экономико-математических моделях.

Такого способа действия экономической наука не знала никогда прежде. Вот почему я думаю, что период, переживаемый сейчас экономической наукой, в этом отношении является вещью необычайной, и говорить, имея в виду одну цифру: «Ничего нового не произошло», — по меньшей мере неосмотрительно.

Однако не следует думать, что с методом линейного программирования мы получили панацею от всех осложнений быстро развивающейся экономики. И склепок некоторой части наших экономистов в отношении математического вмешательства в их науку plenty. Вот что по этому поводу говорил мне покойный Иван Степанович Малышев, бывший тогда заместителем начальника Центрального статистического управления, на совещании экономистов и математиков: «Слушая я некоторые выступления, и мне почему-то вспомнился знаменитый генерал Плульц из «Войны и мира». Помните, он составлял диспозицию: зрела колония маршист, цвела колония маршист... Словом, процесс производства, обмена, распределения, накопления и потребления во всех его многоаспектных экономических, технических и организационных формах по этим командам должен проходить хорошо, без каких-либо перебоев и осложнений... Все это представляется мне какой-то странной утопией. Ведь общество не сумма математических нулей и единиц. Это коллекция, живая, творческая, состоящая из людей, все стороны развитых, обладающих разумом, волей... Централизованное планирование должно давать обществу общие направления действий и позволять работникам производства самим нахо-

дить и применять наилучшие средства для решения поставленных задач».

Разумеется, не математико-экономисты — авторы этой странной утопии. Она плод творчества тех «интуитивистов», которые любят у нас суждениями жить да и способны довести до абсурда здравую идею.

Нам уже довелось рассказывать о том, как встречался ученым миром математизация физики. Теперь интереснее будет взглянуть на этот процесс немного под другим углом. Ведь математизация физики уже давно завершилась, и потому прошлые физики позволяют строить кое-какие догадки о настоящем и будущем экономик. К чему привела математизация физики? Когда великий математик Дэвид Гильберт снисходительно сказал, что физика, в сущности, слишком трудна для физиков. Он считал, что с физическими проблемами может справиться только математик. Мы теперь знаем, что эта высокомерная программа не осуществилась. Крупнейшие физические открытия нашего века были сделаны физиками-профессионалами, для которых математика была могучим орудием исследования, языком, на котором общаются между собой, часто интуитивно, открытия законов окружающего нас мира. Разговаривая с Марией Кюри о персональных идеях общей теории относительности, Эйнштейн не писал никаких формул. Он просто говорил, и формулы появлялись в том, что происходило в падающем лифте». Физика не растерялась в математике. С другой стороны, не осуществились и надежды единомышленников Гете, считавших, что есть область физики, где знания попросту не могут быть распространены математикой не удалось ограничить. Произошло другое: математика сама поставила границы основным понятиям физической науки. К примеру, мы узнали, что понятие скорости имеет смысл только тогда, когда ее величина меньше 300 тысяч километров в секунду. Можно сколько угодно рассуждать о сверхсветовых скоростях и даже выставлять лозунг: «Превзойдем скорость света!», — но и рассуждения эти и этот лозунг не будут иметь совершенно никакого значения к реальности.

Нечто подобное происходит сейчас и в экономической науке. Математика не поднимает экономики, но она помогает выработать новый взгляд на основные концепции экономической науки, показывая границы их применимости.

В первую очередь это касается понятия планирования, централизованного управления народным хозяйством. Очень долго в основе творческих построений наших экономистов лежало молчаливое убеждение, что идея централизованного планирования централизованного руководства экономической жизнью не знает границ, может охватить в деталях все.

Говоря языком математиков-экономистов, беда была в том, что вышестоящие органы пытались проникнуть внутрь элементарного технологического процесса, планировать неплануемое, управлять тем, что в централизованном управлении не нуждается. Словом, хотели превзойти скорость света.

В пределах области приложения линейного программирования, Kantorovich писал в монографии 1939 года:

«Существует два способа повышения эффективности работы цеха, предприятия и целой отрасли промышленности. Один путь — это различные улучшения в технике, т. е. новые приспособления в отдельном станке, изменение технологического процесса, нахождение новых, лучших видов сырья. Другой путь, позволяющий использовать, — это улучшения в организации производства и планирования. Сюда

относятся, например, такие вопросы, как распределение работ между отдельными станками и механизмами; правильное распределение заказов по предприятиям, правильное распределение различных видов сырья, топлива».

Заметьте, здесь и речи нет об особенностях предприятий, между которыми собираются распределить заказы, о том, чем отличаются руководители каждого одного предприятия от кадров другого, или о том, какова квалификация рабочих. Напротив, чтобы применить аппарат линейного программирования, нужно забыть на время о внутренней структуре предприятий, о том, что отличает их друг от друга. Нужно ряд отдельных объектов, что-то вроде атомов, с которыми имеют дело химики. Два атома водорода и атом кислорода составляют молекулу воды. Чтб написать такую реакцию, нужно отвлечься от того, что каждый из этих атомов имеет собственное ядро, а ядро, в свою очередь, состоит из протонов и нейтронов.

Точно так же поступают в теории линейного программирования, и математика здесь является элементарные технологические процессы работа станка, либо завода, либо даже целой отрасли промышленности. Пожалуй, именно это качество и является важнейшей чертой теории линейного программирования. Предложенный этой теорией путь свободен от изощренных, перегружающих внутреннюю структуру технологического процесса, стесняющих инициативу руководителей данного предприятия.

Именно в таком утончении основополагающей концепции математической экономики состоит главная ценность математической экономики и дальнейшие успехи математической экономики зависят не столько от количества примененных электронных машин, сколько от изощренности математического аппарата, сколько от готовности экономистов придать своим главным концепциям больше определенности, строгости.

Есть в математическом образе мыслей еще одна сторона, о которой прежде не писалась замечательная советская математик А. Я. Хинчин «По моему многолетнему опыту работа над усвоением математической науки неизбежно воспринимается — исподволь и весьма постепенно — целый ряд черт, имеющих моральную окраску... Это очень радостная и морально возвышающая картина, когда человек постепенно преодолевает в себе отвратительно мешанину привычку подчинять законы мышления своим личным, великим, корыстным интересам, теоретически защищая все то и только то, что ему практически выгодно; когда он научается уважать объективную правильность аргументации как высшую духовную и легитимную ценность и все чаще и со все более лирическим сердцем жертвовать ради нее своими личными интересами».

Современная психология с несомненной установкой, что процесс осознания новых идей затрагивает самые глубокие основы мышления человека. Его этнику, мораль, его сознательные и бессознательные эмоции. И в этом отношении ученый-экономист ничуть не отличается от любого другого человека. Ему требуется столько же терпения и мужества, и путь его таков же неизбежен.

Это что и медленно, но неуклонно формирование современной экономической мысли вызывает глубокое уважение и экономическую науку и уверенность в ее силе.

Хозяйственная реформа, происходящая сейчас в нашей стране, ведется на научных основах. С развитием новых методов хозяйственной жизни новые рекомендации, разумеется, еще больше возрастает. Процессы, происходящие в экономической науке, позволяют надеяться на возможности для того, чтобы достаточно ответить требованиям жизни.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Пол АНДЕРСОН

«НАМ, ПОЖАЛУЙ, ПОРА ИДТИ»

Познакомились мы на деловой почве. Фирма Минальса, решив открыть свой филиал на острове Иенстола, обнаружила, что в моем владении находится самый многообещающий земельный участок. Они предложили мне большие деньги, но я заупрямился: они увеличили сумму — я не сдавался, и тогда меня посетил сам босс. Он оказался не совсем таким, каким я себе представлял его. Настроение было, конечно, агрессивное, но держался настолько вежливо, что это не оскорбляло, а манеры его были так изысканны, что почти не бросался в глаза недостаток образования. Этот недостаток он весьма успешно изживал, посещая вечернюю школу, популярные лекции и поглощая огромное количество книг. На первую нашу деловую беседу, мы с ним отправились промочить горло. Он привел меня в бар, где мало что напоминало о Чикаго, — тихий, заляпанный, без музыкального автомата, без телевизора; кинная полка, несколько шахматных досок и к тому же там не было тех подонков и жуликов, которыми обычно кишат подобные за-

ведения. Кроме нас, там еще было с полдюжины посетителей: нечто смахивавший на профессора в отставке, какие-то люди, с которыми знавшая дела спорщице на политические темы, молодой человек, обсуждавший с барменом вопрос о том, кто оригинальнее — Бартон или Шенберг. Нам с Минальсом достался столик у угла и датское пиво. Я сказал ему, что меня совершенно не интересуют деньги, просто я считаю idiotством ради возведения еще одного хромированного серва уродовать бульдозерами живописную местность. Прежде чем ответить, Минальс набил свою трубку. Это был худощавый стройный мужчина с длинными подбородком и римским носом, седыми волосами и темными сверкающими глазами. — А разве мой представитель не объяснил вам? — спросил он. — Мы вовсе не собираемся строить ряды одинаковых, портищих вид баров. Мы остановились на шести основных проектах с вариантами: на чертеже это выглядит вот так. Он достал карандаш и бумагу и начал набрасывать план. В разговоре его акцент сталовился заметнее, но речь сохраняла прелезную беглость.

Фантастический рассказ

— Ваше прошлое. Где и когда вас оставили?
И тогда, холодное которого мне никогда не пришлось слышать, он промолчал.
— Под Варшавой, в августе 1939 года.
— Не думаю, чтобы вам хотелось говорить о годах войны.
— Вы правы.

Однако, поборов себя, он с вызовом продолжил:

— Мои враги просчитались. Из-за всеобщей неразберихи, возникшей в связи с нападением Германии, меня посадили в концентрационный лагерь без предварительного полицейского расследования. Постепенно я разобрался в обстановке. Я, конечно, не мог тогда ничего предсказать, как не могу этого сделать сейчас. О том, что происходило в двадцатом веке, знают лишь специалисты. Но к тому времени, когда меня, как полика, помещали в немецкую армию, я понял, что эта сторона потерпит поражение. Поэтому я перебежал в американцам, рассказал им обо всем, что видел, и стал их разведчиком. Это было рискованно, но даже если бы я наткнулся на пулю, что с того? Этого не случилось: появились те, кто у меня отозвал множество поручителей, которые помогли мне приехать сюда. Оставшая часть этой истории вполне зурлянда.

Мое сигары погасла. Я снова зажг ее, потому что с сигарями Минялеса нельзя было обращаться небрежно. Их специально доставляли ему самолетом из Амстердама.

— Чужие семьи, — промолвил я.

— Да вы ведь знаете. Рубь в изгнании. К ней относились неплохо, но она выпалагла глаза от тоски по родине.

— Нет, я ничего об этом не знаю.

— Это из Библии.

— Ах, да. Надо обязательно как-нибудь прочесть Библию.

Его настроение постепенно менялось, и он снова обрел ту уверенность, которую я наблюдал в нем прежде. Местом почти беспримечным он поднял но рту стакан с вином и злым выпил его. В выражении его лица была смесь настороженности и самоуверенности.

— Да, — сказал он, — с этим было очень скверно. И главное тут не в изменении жизненных условий. Вам, конечно, случилось выжить за город и жить в палатке, и вы не могли не заметить, как быстро отвыкаешь от ирана с горячей водой, электрического освещения, от всех тех приспособлений, которые, по уверениям производителей их агрегатов, являются предметами первой необходимости. Я был бы рад иметь гравитационный индуктор или микроточный стимулятор, но я прекрасно обхожусь без них. Тоска по родине — вот что вас поинаривает. Милочка, которых вы никогда замечали: как-нибудь определенная пища, то как люди ходят, в какие они играют игры, на какие темы разговаривают... Даже созвездия. И они в будущем выглядят по-иному. Тамой далекий гутт прошло и тому времени Солнце по своей галактической орбите.

Но всегда были и есть люди, которые поинаривают родине моза. Все мы — потомки тех, кто смог пережить это потрясение. Я приспособился.

Он угрюмо намурился.

— Я не вернулся бы обратно, даже если бы меня поинволали, — промолвил он. — Из-за того, что там творят эти предатели.

Я дотря свое виски, сиануя языком и небом какому кайло этого восхитительного наливка и лишь краем уха прислушивался к его словам.

— Вам здесь нравятся?

— Да, — ответил он. — Теперь — да. Я уже преодолел эмоциональный барьер. Мне помогло, что первые несколько лет все мои усилия были направлены только на то, чтобы выжить, а потом, приехав сюда, я был слишком занят устройством. У меня было мало времени на самооплаживание. А теперь, мне все больше увлекает мой бизнес — игра, захватывающая и приятная тем, что неуверенные шаги в ней не влекут за собой высшую меру наказания. Я открыл в этой эпохе тайны чаче-ства, которые утратило будущее... Держу пари, что вы не ищете ни величайшего представления о том, насколько заточен этот город. Ведь в эту самую минуту в пяти милях от нас стоит у атомной лаборатории создатель-охранник, мезерлет в подорожье бродяжка, ищет оргия в апартентах миллионера, готовится к ранней службе священник, спит торговец из Аравии, стоит в порту норабль из Индии...

Его возбуждение несколько улеглось. Он отвел взгляд от ночного окна и посмотрел в сторону спальни.

— Я здесь моя жена и дети, — с какой-то особенной теплотой добавил он. — Нет, что бы ни произошло, я не вернулся бы обратно.

Я в последний раз заткнулся сигарой.

— Да, вы действительно и неплохо устроились. Оночательно стяжили с себя груз, он улыбнулся мне.

— А знаете, мне кажется, что вы поверили этой глупости.

О, безусловно. — Я погасил окурок сигары, встал и потянулся. — Нам позавтра. Нам, пожалуй, пора идти.

Он поинял не сразу. А когда до него наконец дошло, он медленно, словно огромный мот, приподнялся с иресла.

— Нам!

Я вытщил из нармана пистолет-парализатор. Он замер на месте.

— Дела такого рода не оставляют на волю случая. Мы всегда проверяем. А теперь я путь. Кровь отхлынула от его лица.

— Нет, — беззвучно, одним губами промолвил он, — нет, нет, нет, вы этого не слышите, это уксусно, а Ангелия, дети...

— Это, — сказала я ему, — входит в наказание. Я оставил его в Дамаске за год до того, как город был разграблен Таверляном.

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

ПРЕСТИЖНЫЕ ПРАВИТЕЛЕЙ ИЗ ТЕРРАВИДА

Насилие и смерть принесли израильские оккупанты на мирную арабскую землю.

КРОВАВАЯ УИКЭНД

В Тель-Авиве готовились к уикэнду. Моше дышал раскаленной нечью, и все остальные люди спешили укрываться от этого зноя. В аристократических кварталах принимали гостей, и шампанские слуги бесшумно разносили воду со льдом.

Казалось, что все безмятежно в Израиле. Спокойно, все спокойно на «обтованной земле!»

Но в это же время в сверхсекретной обстановке собрался кабинет министров Израиля. Министры расцелись по иерусалим, и Леви Эшколу предоставили слово только что назначенному министру обороны Моше Даяну.

Министры внимательно слушали, как Даян излагал свой план удара по ОАР, Сирию и Иорданию.

В тот же день, субботу, 3 июня, в Лондоне военной атаке Израиля в частной беседе с военным аташе

ОФР конфиденциально бросил, что «все решится в самом начале будущей недели».

Следующим вечером на улицы всех городов Израиля без сигналов выезжают тяжелые военные грузовики. Сначала идут отделения парашютистов, за ними колонны резервистов. Колонны получили запечатанные пакеты. Бронетанковые части движутся к демаркационной линии с ОАР. На аэродромах объявлена боевая готовность № 1 — летчикам сидеть в кабинах «Миражей». До начала военных действий остаются считанные минуты.

И вот, на рассвете 5 июня, мир облетела тревожная весть: Израиль развязал войну против арабских стран. Колонны израильских войск рвутся к Суэцкому каналу.

Военная машина Израиля работает во всю мощь. Самолеты израильских ВВС применяют навал. Вот что пишет об этом специальный корреспондент

французской газеты «Фигаро» Ис Коот:

«Я видел фотоснимки, сделанные с борта «Миражей» и «Супер-Мистеров». Страшные фотолюдей, боевую технику сбивает навалом. И все это в голой, раскаленной пустыне. «Миражи», образовав в небе огромное кольцо, через равные интервалы арены обрушивают на арабов все новое и новое порции авиационного огня и самвица. Люди превратились в живые фанелы, катаются по песку. Огромные фанелы черного дыма поднимаются над пылающими машинами».

Почти на всем Синайском полуострове неминуемый трупный смрад. Из-за этого до самого последнего времени невозможно было предать погребению обуглившиеся трупы. Ведь некоторые части израильской армии в плен не брались.

Этот кровожадный приказ из плен не брать! отдали самый воинствен-

ный «встреб» Тель-Авива Моше Даян. Этот генерал, известный своей ненавистью к арабам, вырвал себе 31 мая пост министра обороны, который до этого занимал по совместительству премьер-министр Леви Эшкол.

Моше Даян окончил офицерской коллежки в Лондоне. В прошлом году прошел у генералов Пентагона «теоретический курс, после чего отправился в Южный Вьетнам, присутствовал на «занятиях» американских карателей.

Это по приказу Даяна израильские солдаты осуществляли на захваченных арабских территориях «тактику выжженной земли». Впрочем, и «план удара», тактику и стратегию Даян согласовал с Пентагоном еще в 1966 году. А оставшись до начала агрессивных месяцев были предоставлены ЦРУ для сбора точнейшей военной информации об арабских странах.

И в то время, как Левн Эшкол и министр иностранных дел Израэля Абба Эбан лицемерно заявляли, что хотят мира, их генералы отдавали последние приказания, вновь стараясь разведчик.

— Наша разведка поработала не хуже авиации и бронетанковых войск,— проговорился недавно тот же Даян.

«Здесь [в Израэле] нет койки на улице — они все на боевых позициях. Всеми мыслями и сердцами страна уже участвует в войне. Если противостание продолжится, то вполне вероятно, что первый удар будет нанесен Израэлем», — писала лондонская «Обсервер».

Подготовка Израэля к агрессии против ОАР, Сирии и Иордании была закончена к апрелю. 24 марта в американском посольстве в Бейруте собрался 50 высокопоставленных агентов ЦРУ для изучения мер по свержению прогрессивных режимов в арабских странах, прежде всего в ОАР и Сирии, а также об организации заговоров против Ирака и Йемена.

Удар Израэля по арабским странам был запланирован на начало мая, и первая атака направилась на Сирию. Но Объединенная Арабская Республика, верная оборонительному договору с братской страной, перегруппировала свою армию и часть войск перебросила на Синайский полуостров. Это обстоятельство серьезно озадачило западных политиков, и членов Пентагона в Тель-

Авиве, Даян, срочно пересмотрел свой план.

В это же время Левн Эшкол, готовясь развязать агрессию, ввел в правительство, кроме Моше Даяна, одного из самых огонгелных реакционеров, лидера шовинистической партии Херут Менахеама Белгия.

Израэль был готов к агрессии. И на рассвете 5 июня мир узнал о преступлении, которое совершили правители из Тель-Авива.

КОРНИ АГРЕССИИ

14 мая 1948 года было провозглашено государство Израэль. Соединенные Штаты Америки сразу же признали его. Этот шаг предусматривал далеко идущую цель. США хотели сделать из Израэля свой военный форпост на Ближнем Востоке в борьбе против непокорных арабских народов.

И вот на протяжении почти двадцати лет империалисты США и Англии превращали Израэль в штурмовой отряд империализма.

Огонгелые, шовинистические круги Израэля в это время разжигали расовую ненависть к арабам. Главный проповедник войны престарелый Давид Бен Гурон еще в 1950 году заявлял:

«Мы должны с интуизмом бороться, как путем завоеваний, так и на дипломатическом поприще, чтобы создать Израэльский империю, в которую должны войти все земли, расположенные между Нилом и Евфратом».

Ему вторил Моше Даян, выступая по радио в феврале 1952 года:

«На израэльскую армию снова возложена миссия готовиться к войне. Она должна осуществить конечную цель: создание Израэльской империи».

С первых же дней своего существования Израэль помышлял о захвате арабских территорий. Он грубо нарушил резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН и захватил в первые же годы своего существования 6,7 тысячи квадратных километров. Арабское население в Израэле жестоко терроризировалось и истреблялось.

24 февраля 1949 года между Египтом и Израэлем было заключено соглашение о перемирии. По этому соглашению территория Израэля определялась в 20,7 тысячи квадратных километров.

Но Израэль и не думал прекращать захватнические действия. Его аппетиты особенно ярко проявились во время Суэцкого кризиса в октябре 1956 года. 29 октября израэльские войска атаковали египетские позиции и двинулись к Суэцкому каналу.

Но решительные требования Советского Союза о немедленном прекращении военных действий заставили 6 ноября израэльские, британские и французские войска покинуть захваченную территорию. Однако лишь после прибытия войск ООН правительству Бен Гурона пришлось оставить аннексованный им район Газы.

И все это время экстремистские устремления Израэля поддержи-

лись империалистическими кругами Запада. В 1952 году Соединенные Штаты Америки заключили с Израэлем секретное военное соглашение, укрепляя его позиции на Ближнем Востоке.

Генеральная Ассамблея ООН шесть раз осуждала правительство Израэля за агрессивные действия против арабских государств. Но зарвавшиеся экстремисты на анализ голоса этой представительной организации.

Сейчас в Тель-Авиве упиваются «победами». Разные «давыи» кричат, что они «останутся там, где находятся». Телеграфные агентства мира сообщают все новые и новые подробности о зверствах израэльских оккупантов на арабской земле, о расправе с пленными, чудовищном обращении с жителями. Агрессоры не щадят никого — ни детей, ни женщин, ни стариков. Расправы эти напоминают зверства фашистов во времена третьего рейха.

Так во всем своем отшатнутом облаке предает ныне перед миром Израэль — государство войны.

ОТКУДА У ЗАХВАТЧИКА БЕРЕТСЯ НАГЛОСТЬ

Израэльские авантюристы не были бы так нахальны, если бы за их спиной не стояли военно-воздушные и военно-морские силы США и Англии. США срочно перебазировали свой 6-й флот в восточное Средиземноморье, в район агрессии.

Как заявил представитель флота корпорации агентства Рейтер, сразу же после начала агрессии Израэля

Тупая жестокость захватчиков, с одной стороны, и море тысяч обездоленных людей — с другой.

корабли 6-го флота были приведены в состояние боевой готовности. Этот флот имеет два авианосца, крейсера, эсминцы и другие суда, всего 30 кораблей, 200 самолетов и персонал численностью в 35 тысяч человек. С авианосцев «Америка» и «Саратог» в воздух поднялись бомбардировщики и истребители [находясь в авианосце имеют 30 самолетов, в том числе и «F-4В Фантом», способные нести ядерное оружие]. Как сообщает корреспондент Юнайтед пресс интернэшнл, с борта авианосца «Америка» 3 и 4 июня бомбардировщики нанесли «террористические бомбовые удары» на столицу Иерусалим по безлюдному скалисту острову. В предельной близости от района конфликта держался семьдесят судов с морской пехотой США. «Юнайтед» приводит слова Эшкола: «Мы обратились к Соединенным Штатам за оружием. Нам сказали: «Не тратьте денег. Мы здесь. Здесь и наш 6-й флот».

В Красное море направил свои военно-морские силы и Англия. Там находится авианосец «Гермес», эсминцы и другие суда. Американец «Альбион» водоизмещением в 23 000 тонн прибыл в Красное море, имея на борту десантно-дверционные части, «командос», морскую пехоту, легкую артиллерию, вертолеты.

Англия стянула в район Ближнего Востока и авиацию. На Мальту переброшены соединения бомбардировщиков «Вулкан» класса «В», могущие нести ядерное оружие.

Сразу же после агрессии Израиль министр обороны ФРГ Шредер потребовал увеличить расходы на вооружение бюджетера на 300 миллионов долларов.

В войне всенародно поощряют преступные действия захватчиков. Бывший бригадирер СС, лидер западногерманского союза, бывший солдат войск СС [ХМЛ] Харп Церф в восторге от действий правителей из Тель-Авива.

«Это просто великолепно. Ведь у этих израильтян и ближневосточных иже-

ются наших инструкций, не говоря уже о книге Скорцени «Жизнь с опасностью». Да и киббуцы очень напоминают по структуре наш трудовой фронт». И Церф в припадке чувств перевел на счет посольства Израйля в Бад Годесберге 1 500 марок...

Член палаты представителей США Брайан Дорн заявил: «Наша обязательства и наши гарантии насчет поддержки Израйля являются такими же реальными и твердыми, как и обязательства и гарантии поддерживать Южную Вьетнам».

МИР ОСУЖДАЕТ УБИЙЦ

Зверства, творимые израильскими захватчиками на временно оккупированных арабских землях, глубоко возмущают весь мир. Во всех уголках земли люди гневно осуждают войну, развязанную Израйлем. Особо еще более единодушной сплоченности заявили все арабские страны.

Империалистические круги Запада не омрачили такой бурной реакцией на преступные действия правителей из Тель-Авива и принялись всячески обелить их. Представитель США в ООН Голдберг, сделав вид, будто в Вашингтоне ничего не знали, что 5 июня в 6.00 по Гринвичу начнется агрессия, попытка в Совете Безопасности обвинить в агрессивности арабские страны. Для камуфляжа агрессии в Нью-Йорк срочно прилетел министр иностранных дел Израйля Абба Эбан. Тактика затягивания и проволочки стала основной тактикой дипломата США и Великобритании в Совете Безопасности. Распоясавшийся агрессор нагло игнорировал решения Совета Безопасности о прекращении огня и под прикрытием требований США об «уточнениях и раследованиях» продолжал захватывать новые территории арабских государств.

Важную роль в обуздании агрессора сыграла твердая и последователь-

Киббуцы — военнизированные поселения в Израйле, расположенные, как правило, на границе.

ная политика Советского Союза и других социалистических стран. Суверенным предупреждением Израйлю призвано было заявление Центрального Комитета коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

На созванню по инициативе Советского Союза чрезвычайное специальное заседание Генеральной Ассамблеи ООН вызвал Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. На этой сессии представители большинства стран осудили агрессора.

В тревожные для всего араб мира в Москве собрался пленум Центрального Комитета КПСС. В постановлении Пленума ЦК КПСС «О положении Советского Союза в связи с агрессией Израйля на Ближнем Востоке» отражена твердая и последовательная линия нашей страны на полную и решительную поддержку законных прав арабских стран. Войска захватчиков должны быть немедленно выведены за линию перемирия, должны быть ликвидированы все последствия агрессии.

Вместе со всем советским народом гневно осуждают агрессию Израйля и наша молодежь. На митингах и собраниях, в письмах в ЦК КПСС, редакции газет и журналов юноши и девушки заявляют о своей солидарности с арабскими народами.

Тревогой за будущее человечества, солидарностью с молодежью арабских стран и суверенным осуждением агрессивных действий Израйля проникнуты заявления КИМ СССР и Студенческого Совета.

Народы арабского Востока выводят из трагедии на Синайском полуострове. Мир не позволит агрессорам восприсест разбойничье право средневековых пиратов. Захватчики должны помнить, что сейчас идет XX век. Справедливая борьба арабских народов, поддерживаемая всем прогрессивным человечеством, восторжествует.

Валерий РОГОВ,
Владислав БРЕЖНЕВ

Советские люди гневно осуждают агрессию Израйля против арабских стран.

ШАХМАТ- НАЯ ОЛИМПИАДА „СМЕНЫ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

(См. «Смену» №№ 2, 6 и 11 за 1967 г.)

ПОЛОМАЙТЕ ГОЛОВУ!

Положение на диаграмме является истинное фрагментарно прерисовано. Материально превосходство белых максимально возможное у них в целости и сохранности все 160 фигур, в то время как у черных один лишь король. Упрощайте задачу, что «примочка» его, можно очень быстро. Попробуйте найти быстрый путь к мату, и вы убедитесь, что сделать это не так-то просто (4 балла).

ВАШИ КОММЕНТАРИИ

Продолжайте решать несложную, но весьма содержательную шахматную партию. Затем кратко прокомментируйте ее. Укажите название дебютного варианта и дайте оценку операциям противника в начале этой партии. Оставайтесь на документальных ошибках, их использование другой стороной и на наиболее эффективных моментах.

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Kf6 4. Kf2 Cc5 5. d4 Cc4 6. e3 Cc2 7. Kf2 Kc4 8. Kc4 Qd4 9. Kf2 f5 10. Kc2 d6 11. Ch3 f4 12. Kf3 Cc5 13. Kc4 f5 14. Cc3 0-0 15. e4 Kf4 16. Kc3 Kc5 17. e5 Cc4 18. Qc3 Cc5 19. Qc2 f3 20. Kc3 f2 21. Jg1 Lf6 22. Qc3 Qf6 23. Kf4 Lc4 24. Kf5 Qf6x.

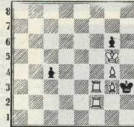
ВОТ ТАК ЗАДАЧА

Условия обеих композиций одинаковы: белые начинают и дают мат в три хода.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ 2-го ТУРА

- I. В предложенном дебютном варианте (белые — Kрц2, Лf6, ш. а4, b3, с2, e3, f3 и g2 черные — Крц7, Лb8, ш. а5, b4, с3, d4, e5, f4, с3) путь к мату таков: 1. Крц1 Крц7 2. Лf6! Крц7 3. Крц1 Крц5 4. Крц1 Лf6 5. Крц2 Лf1. Мат.
- II. В старинной задаче белые используют возможность закрыть центр d4—d5. Затем они оперативно взяли коня. Черные

да. Но если первая задача решается сравнительно легко, то поиск ответа на вторую трехходную наталкивается на трудности, так как ее оригинальная идея искусно замаскирована (4 балла).

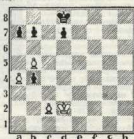
СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЕМ

Предлагаю два новых вопроса нашей викторины (4 балла):

1. Сколько шахматных коней можно расставить на доске таким образом, чтобы ни один из них не мог взять другого?
2. Назовите имена десяти лучших шахматистов России XIX века.

И, НАКОНЕЦ, ЭТОД

По установившейся традиции очередной тур нашей олимпиады завершаем этюдом, причем таким, в котором действующими фигурами являются, кроме короля, только пешки (4 балла).

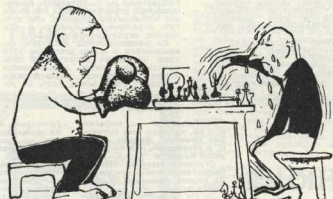

Ход белых. Определите шахматную сторону. Срок отправления ответов — в 4-й тур 13 сентября с. г.

- I. развинули стремительно атаку на непропорционального белого короля и эффектно добились победы.
- II. Задача решается так: 1. Фc4! h2 2. Фg4x! 3. Фc4 2. Сb2x.
- IV. 1) тиражи соответственно: 140—150 тысяч и 130 экземпляров; 2) писателем — И. Курашву.
- V. Решение этюда: 1. Кc4! Крц7 2. Лb7+ Крц7 3. Лb8 Крц7 4. Лf6! b5 5. Лf4 Фf7 6. Крцx1

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

Рисунки В. БЫЛИНКИНА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 14

- Задача решается с помощью семи переводов:
- 1 — арескрипции переводит с 1-го берега на 2-й берег леопарда и овенку;
  - 2 — оставляя овенку на 2-м берегу, он с леопардом возвращается на 1-й берег;
  - 3 — берет сею и переводит леопарда и сею на 2-й берег;
  - 4 — а овенку переводит на 1-й берег;
  - 5 — где оставляет ее, тигра переводит на 2-й берег;
  - 6 — и вместе с леопардом переезжает на 1-й берег;
  - 7 — там он берет овенку и переводит леопарда и овенку на второй берег, этим заканчивая переводку.
- 1) 2 - 3 = 1/2
  - 2) 2 = 1/2 + 1/2
  - 3) 2 + 3 = 3 - 1/2 = 3
  - 4) 2 - 3 + 1/2 + 1/2 = 3

На первой странице обложки: Советские и арабские специалисты на строительстве Асуанской плотины. Фото А. МАКАВЬЕВА [АПН].

Главный редактор В. И. САМОХИН.
 Редакция: К. К. Андреев, А. И. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулецов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [технический редактор].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бузунский проезд, 14.
 ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

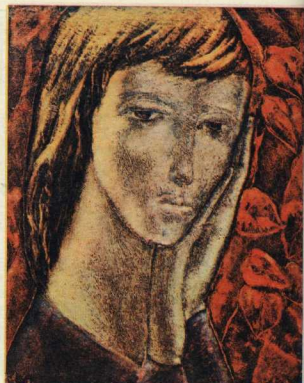
Для справок: Д 3-30-87; отделе: литературы и искусства — Д 1-32-84; отделе и публикации: Д 1-61-61; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-64-10; фотографии и пресса — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 3-30-30.

Художник-оформитель О. Теслер
 Технический редактор Н. Вудина
 А. 00156. Подписано в печать 15/VI 1967 г. Формат бум. 70 x 108/8.
 Усл. печ. л. 6,6. Тираж 110 000. Изд. № 1971. Заказ № 2096.
 Отдана в печать типографией газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

«НАДЕЖДА ДЕДА»

«ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ»

«ПАСТОРАЛЬ»

В этом номере «Смены» мы публикуем репродукции некоторых картин Джемала Хучишвили. Статью о творческом пути этого молодого художника — «Краски Грузии» — читайте на стр. 20—21.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820